

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 40

1981

Яков ЗИСКИНД

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

ФЕЯ НА ПЕНСИИ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 40

Яков ЗИСКИНД

ФЕЯ НА ПЕНСИИ

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
И ФЕЛЬЕТОНЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Яков ЗИСКИНД

Яков Маркович Зискинд родился в 1912 году на Украине. До Великой Отечественной войны жил в Одессе. В годы войны заведовал литературной частью ансамбля пограничных войск Закавказья и был корреспондентом журнала «Пограничник».

С 1946 года Я. Зискинд живет в Москве, работает в жанрах драматургии и прозы. Им написано несколько либретто музыкальных комедий, поставленных многими театрами («Цирк зажигает огни», «Анютини глазки», «Прощай, Неаполь!», «Счастливый рейс» и др.). По его сценариям поставлено несколько кинокомедий («Наш милый доктор», «Ангел в тюбетейке», «Алло, Варшава!» и др.).

Его рассказы и фельетоны часто публикуются в периодической печати и выходят отдельными книгами. Яков Зискинд — член Союза писателей и Союза кинематографистов СССР.

ФЕЯ НА ПЕНСИИ

1

Жила была женщина средних лет Вера Ивановна. Она была тещей, так как большинство женщин, у которых есть дочери, рано или поздно становятся тещами. А в наши дни во многих семьях тещи, если хотите знать, являются главой дома. Да-да, именно главой дома! Дочь работает, ее муж, именуемый зятем, работает, внуки — в зависимости от возраста — либо учатся, либо улетают на край света строить новые города или добывать полезные ископаемые. А тещи — они дома, они, как когда-то говорили, хранительницы очага, и все бытовые нагрузки и нередко перегрузки ложатся на их плечи. Разумеется, за их благородный труд зарплаты им никто не платит, а наоборот, эти столь полезные в доме женщины — любящие и безотказные матери и бабушки — отдают свои скромные пенсии на благо опекаемых ими семей.

Такой тещей была и Вера Ивановна. Ей недавно исполнилось... Впрочем, какая разница сколько ей исполнилось? Выглядела она лет на сорок пять, ну, сорок восемь, не больше; стройная, подтянутая, быстрая в движениях, с веселыми синими глазами, она была удивительно мила и обаятельна. К тому же у нее был легкий, необидчивый характер и многолетний опыт домашнего хозяйствования и разумного планирования семейного бюджета. Дочь Веры Ивановны, Катя, работала и занималась хозяйством, сами понимаете, времени не имела. Внучка Леночка была на первом курсе консерватории и была всегда перегружена делами, зять Павел Сергееч Макарцев — научный работник, кандидат исторических наук — тоже, а внук Василий, который перешел в четвертый класс, был не только занят, но еще требовал от своей бабушки совместного прохождения полного курса десятилетки. Три класса они уже дружно одолели.

И Вера Ивановна — быстрая и ловкая, в аккуратном фартучке и домашних тапочках, все успевала: и сготовить, и убрать, и сбежать в торговые точки, и сшить, и решить арифметические задачи

с наполняемыми водой бассейнами и спешащими навстречу друг другу поездами.

С зятем Вере Ивановне повезло — добрый и внимательный. Хотя курит, зато не пьет. Ну, почти не пьет. Впрочем, совсем не пьющие встречаются только в художественной литературе и среди спортсменов, конечно, пока они не становятся тренерами.

Месяц назад зять Павлик растрогал Веру Ивановну до слез: принес ей путевку в дом отдыха на Южном берегу Крыма.

Вера Ивановна даже растерялась: разве она может уехать отдыхать и оставить свою великолепную четверку? Но Павлик стал ее убеждать, что каждый человек имеет право на отдых, а Вера Ивановна столько лет не отдыхала. Ну, а насчет четверки пусть она не беспокоится — они не пропадут! Словом, зять Павлик так красноречиво и доказательно уговаривал Веру Ивановну, что она, тяжело вздохнув, согласилась ехать в благословенный Крым, щедро одаренный солнцем, морем и фруктами.

И через несколько дней вся семья проводила ее на Курский вокзал и, усадив в мягкий вагон, топталась на перроне, глядя на взволнованную Веру Ивановну, которая, стоя у вагонного окна, давала последние указания, как им жить без нее.

Наконец поезд тронулся, и Вера Ивановна, одновременно улыбаясь и плача, долго махала им голубым платочком. Ее слезы и испуганно-смущенная улыбка тут же вызвали ответную реакцию у провожающих: и Катя, и Леночка, и даже внук Василий вот-вот готовы были заплакать, да и у Павлика возникла необходимость протереть стекла очков. А поезд, прибавляя ход, выскочил из-под крыши перрона и, освещенный жарким солнцем, покатил на юг. Еще раз мелькнул голубой платочек Веры Ивановны и скрылся вдали.

2

Через три дня семья Макаревых особенно остро почувствовала отсутствие Веры Ивановны. И не случайно. Четверо здоровых молодых людей, отличавшихся завидным аппетитом, без особого труда справились со всеми запасами продовольствия, которые оставила заботливая хранительница очага. Хлебница была пуста, сахарница и ваза с печеньем тоже, холодильник зря расходовал электроэнергию. Вот почему в воскресное утро, когда НЕЧЕГО и НЕ НА ЧТО было намазывать, это вызвало в доме небольшой конфликт. Все хотели есть, но ни у кого не было времени пойти за едой: Катя заняла в парикмахерской очередь на укладку, Леночке нужно было срочно переписать ноты, а Василий спешил на тренировку дворовой футбольной команды «Мотылек».

Конфликт завершился так: Катя пошла в парикмахерскую, Леночка в молочную, Василий (одна нога здесь, другая там!) в булочную, а Павел Сергеич обязался сварить гречневую кашу, так как в кухонном шкафу был обнаружен пакет гречневой крупы.

Когда все члены семьи разбежались в разные стороны, Павел Сергеич надел пестрый фартучек Веры Ивановны, поправил на носу очки и стал разглядывать гречневую крупу. Крупа как крупа! Серые крупинки, одни больше, другие меньше, одни темно-серые, другие светло-серые... Но как из этих крупинок получается каша, Павел Сергеич представлял смутно. К счастью, зазвонил телефон. Павел Сергеич снял трубку и очень обрадовался: звонил его друг доктор химических наук Сырников.

— Хорошо, что ты позвонил, — сказал Павел Сергеич. — Ты можешь мне объяснить секрет приготовления гречневой каши?

— Гречневой каши? — удивился Сырников. — А зачем тебе секрет гречневой каши?

— Понимаешь, Вера Ивановна уехала в дом отдыха, и я ее, так сказать, вызвался заменить. Все ингредиенты будущей каши у меня есть. Крупа, вода, масло и соль, но технологию создания каши я представляю смутно.

— Технология, по-моему, удивительно простая, — подумав, сказал Сырников. — Берется вода, крупа, масло, соль, и все это смешивается...

— А как смешивается? Надо бросать крупу в воду или воду наливать в крупу?

Сырников снова подумал:

— Очевидно, крупу следует сыпать в воду.

— Хорошо, — согласился Павел Сергеич, — наливаю воду и всыпаю крупу... И ты уверен, что получится каша?

— Позволь, ее ведь надо варить, — сказал доктор химических наук.

— Ну, сварю, — вновь согласился Павел Сергеич. — А когда следует класть масло?

— Потом, — твердо сказал Сырников. — Впрочем, подожди, сейчас я спрошу у своей тещи. Не вешай трубку.

И пока Сырников выяснял у тещи технологию приготовления гречневой каши, Павел Сергеич с грустью думал о Вере Ивановне. «Какая она милая, прекрасная женщина... Заботливая, любящая... По сравнению с другими тещами она просто ангел! Ведь я впервые в жизни столкнулся с приготовлением каши. А ведь она, бедняжка, занимается этим каждый день!»

Это была первая мысль. А вторая была несколько иной: «До чего же обидно. Я варю гречневую кашу, а Вера Ивановна отдыхает на юге! Ну, есть на свете справедливость?»

А Вера Ивановна действительно отдыхала на юге. И как! Именно в это время она завтракала в столовой своего дома отдыха. Белозубая официантка с такими тугими и розовыми щеками, какие бывают у алма-атинских яблок апорт, предложила ей в дополнение к сытному и обильному завтраку еще и манную кашу. Вера Ивановна отказалась. Во-первых, она была уже сыта, во-вторых, как и полагается каждой разумной женщине, берегла фигуру.

После завтрака она решила сходить на почту, отправить письмо своим дорогим и любимым и вскоре, изящная, чуть-чуть, но в меру кокетливая, в элегантном платье и соломенной шляпке, шла по ялтинской набережной. И до чего же это было приятно не спеша шагать по нагретому солнцем асфальту с небольшим ридикюлем, а не с тяжелыми хозяйственными сумками, соображая на ходу, куда забежать раньше, в булочную или в гастроном, в «Полуфабрикаты» или в «Дары русского леса».

И Вера Ивановна невольно думала о том, до чего же хорошо на юге. Создавалось такое впечатление, словно вы попали на праздник, — до того вокруг было шумно и весело. Все время звучала музыка, доносившаяся с небольших корабликов, на которых отдыхающие совершали морские прогулки. Музыка доносилась из открытых дверей кафе и из бесчисленных транзисторных приемников.

Вера Ивановна много лет не была на юге, поэтому ее крайне удивляли и смущали костюмы отдыхающих — излишне откровенные сарафаны и предельно обтянутые брючки девушки, легкомысленные шорты пожилых мужчин, огромные противосолнечные очки...

Но все равно здесь было поразительно интересно и весело. Не жизнь, а масленица! Рай! Наверняка, если всегда жить в доме отдыха, можно здорово продлить свои годы!

Большинство людей знают по личному опыту, что ничто так быстро не кончается, как отпуск. Кончился и отпуск Веры Ивановны, и она вернулась в Москву. За двадцать четыре дня, проведенных на юге, она загорела и помолодела лет на десять. На ее миловидном кофейном лице ярче засверкали зубы, заблестели глаза и заиграла улыбка.

Вера Ивановна вошла в свой подъезд и вызвала лифт. Внезапно она почувствовала острый запах подгоревшей колбасы и, когда поднялась на лестничную площадку пятого этажа, поняла, что этот запах доносится из их квартиры. Вера Ивановна нетерпеливо позвонила. Дверь ей открыл Павлик. Он был небрит, поверх грязной пижамы был надет некогда нарядный фартучек Веры Ивановны, а сейчас еще более

грязный, чем пижама. За спиной Павлика вился синий колбасный чад, разрезанный солнечными лучами на неровные части.

— Здравствуйте, Павлик! — испуганно произнесла Вера Ивановна.

— Здравствуйте, Вера Ивановна, — обрадованно откликнулся Павлик.

— Как я поняла, вы жарите колбасу.

— Да, — подтвердил Павлик и добавил: — У нас на обед яичница с колбасой и гречневая каша.

Вера Ивановна с интересом взглянула на Павлика, опустила на пол чемодан и молча прошла на кухню, где ее глазам открылось ужасное зрелище, которое могло бы легко сойти за фрагмент знаменитой картины Карла Брюллова «Гибель Помпеи».

Вера Ивановна всплеснула руками, подошла к плите и двумя пальцами брезгливо подняла крышку одной из кастрюль.

— Что это? — спросила она Павлика.

— Гречневая каша!

— Вот это — каша? По-моему, этим лучше всего клеить обои. —

Вера Ивановна хотела опуститься на стул, но, оглянувшись, вовремя спохватилась и осталась стоять. — Где Катя?

— За городом, — ответил Павлик и близоруко склонился над дгорающей колбасой.

— Как за городом? — не поняла Вера Ивановна и выключила газ под сковородой.

— Повезла Василию в лагерь передачу, — пояснил Павлик. — Она считает, если ребенок в лагере, то его родители в походе.

— А Леночка?

— В консерватории, — ответил Павлик и поинтересовался: —

Почему вы не дали телеграмму, я бы встретил...

Вера Ивановна, не отвечая, подошла к холодильнику и открыла его тяжелую дверь.

— Боже мой! У вас же пустой холодильник!

— Как — пустой? — Павлик даже обиделся.

— Если вы считаете, что бутылка шампанского, кефир и банка старого хрена именно то, что должно быть в холодильнике...

— Шампанское — к вашему приезду! — сказал Павлик.

— Спасибо. А зачем хрен?

Павлик промолчал, а потом, заглянув в холодильник, сообщил:

— Я как раз собирался за продуктами, но сперва хотел приготовить обед...

— Вот это обед? Эта сожженная колбаса и клейстер для обоев?! — сокрушенно произнесла Вера Ивановна и, забыв об осторожности, опустилась на стул. — И давно вы живете в таком хлеву? У меня впечатление, что пыль в последний раз вытирала я... А пол? К вам что, приходили лошади?

Павлик с тоской посмотрел на Веру Ивановну, потом светло улыбнулся:

— Ах, Вера Ивановна! Слава богу, вы приехали, и все образуется.

— Нет, Павлик, не образуется! — твердо произнесла Вера Ивановна. — Сядьте, предстоит серьезный разговор.

— Вы меня пугаете, Вера Ивановна, — обеспокоенно сказал Павлик и опустил на табурет.

— Ничего страшного, — успокоила его Вера Ивановна, а потом, после паузы, виновато пожав плечами, проговорила: — Я, Павлик, влюбилась!

— Вы?!

— Я! — кивнула Вера Ивановна. — А что? Не имею права? Мне, между прочим, не девяносто.

Павлик обреченно молчал.

— Там, на юге, я встретила одного прекрасного человека... Он ленинградец. Архитектор. Он проводил меня до Москвы. Поэтому я не дала телеграммы...

Павлик по-прежнему молчал.

— Он моего возраста, — продолжала Вера Ивановна. — Тоже одинокий и тоже ревматик. Мы познакомились на почве ревматизма. На ваннах.

— На каких ваннах? — спросил Павлик.

— Радоновых. Сидели в очереди и обменивались медицинскими советами и народными средствами. Он удивительный специалист в этой области. Знает больше любого профессора, — торопливо сообщила Вера Ивановна.

— И как?

— Что — как? — Вера Ивановна улыбнулась. — Вы встречали человека, который излечился бы от ревматизма? Я тоже не видела... Но бороться с ревматизмом вдвоем все-таки куда приятнее. — Вера Ивановна помолчала, а потом, сверкнув глазами, сказала: — Ах, Павлик! Если б вы знали, как он красиво ухаживал... Я ведь даже забыла, что на свете есть цветы, конфеты, мороженое... Оказывается, есть! А коктейль «Южная ночь» вы пили?

Павлик отрицательно покачал головой.

— А я пила! — гордо заявила Вера Ивановна. — Раз восемь! Прекрасная вещь! Удивительно поднимает жизненный тонус! Выпьешь — и весь мир, как цветное телевидение... А как поют цикады, вы слышали?

— Цикады не поют, а скрипят, — уныло сказал Павлик. — И эти звуки они производят ногами.

— Ничего подобного, — не согласилась Вера Ивановна. — Цикады поют. И звенят. А потом он сделал мне предложение...

— И вы согласились?

— Конечно...

— Что ж, прекрасно.— Павлик криво усмехнулся и встал с табурета.— Я все время думал: чего нам в доме не хватает? Оказывается, архитектора, у которого ревматизм. Вы что, Вера Ивановна, думаете, что наша квартира недостаточно населена?

— О чем вы говорите, Павлик?— Вера Ивановна развела руками.— У него в Ленинграде отличная трехкомнатная квартира с лоджией. Он — архитектор. И он, наоборот, просил, чтоб я вас предупредила за две недели и переехала к нему.

— Надолго? — спросил Павлик.

— Как «надолго»? Навсегда! Я уезжаю в Ленинград замуж... Понимаете?

Павлик вновь опустил на табурет.

— Уезжаете замуж?.. Ну, знаете, Вера Ивановна!.. Я обскакал всю Москву, пока добыл вам путевку в Крым... Я вам сделал сюрприз... Потому что вы, так сказать, добрая фея нашей семьи...

— Да, фея на пенсии.— Вера Ивановна усмехнулась.

Но Павлик пропустил ее реплику мимо ушей.

— Я думал, вы поехали отдохнуть, а вы там завели какие-то шуры-муры...

В глазах Веры Ивановны закипели слезы.

— Подождите, Павлик,— тихо сказала она.— Какие «шуры-муры»? Я что же, не имею права влюбиться? Не имею права выйти замуж? Извините, Павлик, но у нас каждый человек имеет право на труд, право на отдых... И право на замужество! Или у меня этого права нет?

— Почему? Есть, конечно,— неохотно подтвердил Павлик.

— Если есть,— Вера Ивановна улыбнулась,— то вы бы лучше меня поздравили.

— Правильно, Вера Ивановна! Правильно! От души поздравляю!— Павлик вскочил и поцеловал Вере Ивановне руку, а она поцеловала его в лоб.

— Спасибо, дорогой Павлик! — растроганно сказала она.—

Спасибо, милый дурачок. Через две недели я уеду в Ленинград, приглашу вас всех на свадьбу... Мы только с Владиком... Его зовут Владик,— пояснила Вера Ивановна,— не решили, где устраивать: дома или в ресторане...

— Все-таки вы меня удивляете, Вера Ивановна,— покачал головой Павлик.— Неужели вы думаете, что мы все сможем прикатить в Ленинград на вашу свадьбу?

— Конечно.

— А вы понимаете, чем это кончится? Меня и Катю уволят за прогулы, а Василия выкинут из школы...

— Ну, это вы преувеличиваете! — отмахнулась Вера Ивановна.—

Под замужество тещи вам дадут отпуск!

— Не знаю, не знаю,— ворчливо сказал Павлик и направился к плите, но Вера Ивановна жестом остановила его.

— Сидите, Павлик, сейчас я все сделаю сама и, возможно, не хуже вас,— пошутила она и вышла в соседнюю комнату, чтоб переодеться.— Вам и так, небось, доставалось из-за меня!

— Да, доставалось,— согласился Павлик.

А Вера Ивановна, оставившая дверь в соседнюю комнату открытой, громко, почти крича, сообщала Павлику:

— Если говорить честно, то меня в связи с моим переездом в Ленинград больше всего беспокоит Василий. Теперь готовить с ним уроки придется вам.

— Мне?— Павлик повернулся к открытой двери.

— Ну, конечно. Не буду же я прилетать из Ленинграда решать с ним задачи. А в четвертом классе такая сложная программа.

— Ничего, у меня высшее образование! — сухо произнес Павлик.

— Ах, Павлик! Ваше высшее образование такое, что посади таких, как вы, в четвертый класс — все останутся на второй год.

Павлик тактично промолчал.

— А Леночка? — спросила из-за двери Вера Ивановна.

— Что Леночка? — не понял Павлик.

— Придется мне за эти две недели научить Катю гладить ее платья и делать ей прическу. А уборка? А стирка? А готовка? — уже тихо сказала Вера Ивановна, входя в кухню в домашнем халате.

Тяжело вздохнув, она подошла к плите, покачала головой и начала готовить яичницу из жалкого, еще не сожженного куска колбасы и трех уцелевших яиц. А Павлик, радостно улыбнувшись, проследовал в ванную, где с удовольствием умыл руки.

5

Вскоре Павлик, дымя сигаретой и развалившись в кресле, с наслаждением читал еженедельник «Футбол — хоккей».

В самом интересном месте обзорной статьи об итогах прошедшего тура соревнований на пороге столовой возникла Вера Ивановна.

— Павлик,— сказала она тихо,— как это ни грустно, вам придется сходить в молочную и булочную. Вот список.

Павлик хотел возразить, найти причины, мешающие ему это сделать, но Вера Ивановна остановила его взглядом.

— Одна я всего не успею. Идите. В доме должна быть еда.

— Хорошо, Вера Ивановна,— неохотно, но покорно согласился Павлик.

Примерно через час Павлик возвратился домой и с радостью отметил чудесные изменения в квартире, которые произошли за время его отсутствия. Большинство вещей вновь заняло свои привычные и удобные места. Скажем, пиджак Павлика, висевший на пыльной спинке кресла, удобно повис на вешалке, расправив смятые плечи и заломленные за спинку рукава, и Катино платье, лежавшее на диване в немыслимо неудобной позе, отдыхало на плечиках, и Леночкины джинсы тоже. Словом, квартира и населяющие ее вещи, обрадованные приездом настоящей хозяйки, возвращались к нормальной удобной жизни.

Павлик быстро сообщил, какие произвел покупки, отчитался в расходах и с чувством исполненного долга плюхнулся в кресло, считая, что теперь-то он имеет право вернуться к изучению «Футбола-хоккея».

Однако Вера Ивановна помешала осуществлению этого скромного намерения. Она сказала:

— Павлик, все время, пока вас не было, я думала и поняла, что вам придется найти домработницу.

Павлик посмотрел на Веру Ивановну и усмехнулся:

— «Найти домработницу»... В каком веке вы живете, Вера Ивановна? Вы что, не знаете, что легче найти профессора астрономии, чем домработницу?

Вера Ивановна опустила на стул, стоявший против кресла Павлика.

— Это, конечно, верно. Значит, получается, что Кате придется уйти с работы.

— Кате с работы?! — изумился Павлик. — Катя семнадцать лет училась, государство ухлопало на ее обучение кучу денег, она способный инженер, и все бросить, да? Вы об этом для нее мечтали?

— Подождите, Павлик... А если домашними делами заниматься до работы? Или после?..

Павлик вновь усмехнулся:

— О чем вы говорите, Вера Ивановна? Это вы научили Катю ничего не уметь! Я, как вы видели, варю вместо каши клей для обоев, а она и клея не сварит! Это ваше воспитание! Ваша школа! Вырастили узкую специалистку, которая не умеет даже пожарить котлеты...

— А вы, Павлик? Неужели вы не можете помочь жене?

— Я, Вера Ивановна, мужчина. Я и так из-за этого клея для обоев читаю сегодняшние газеты послезавтра!

Наступила пауза. В конце паузы Вера Ивановна тихо заплакала.

— Значит, все: нельзя мне замуж! Нельзя...

Павлик вскочил с кресла, налил из графина (до возвращения Веры Ивановны — пустого) стакан воды и стал ее успокаивать. А она продолжала всхлипывать и твердить:

— Нелзя! Нелзя мне замуж! А с другой стороны, потерять в моем возрасте такого человека — это же преступление! Одинокий мужчина в наши дни — подарок судьбы! А судьба такие подарки дважды не делает! Это, Павлик, если хотите знать, последний луч в моей жизни! — И она, поставив стакан с водой на стол, вновь заплакала.

Тронутый ее словами, Павлик нервно прошелся по комнате и сказал:

— Решено, Вера Ивановна: уезжайте замуж, а о нас... не думайте! Черт с нами!

— Как это не думайте? — возмутилась Вера Ивановна. — Я что, в этом доме посторонняя? Вы ведь — моя семья! Мои дети! Мои внуки! Я мать! Я теща! И не какая-нибудь дореволюционная эгоистка, которая думала только о себе! Я — наша теща! Понимаете, НАША! — Вера Ивановна перевела дыхание и тихо добавила: — А все вы виноваты! Вы один!

— Я? — даже растерялся Павлик.

— Да, вы! Это вы настаивали, чтоб я поехала на курорт. Вот и доездилась!

— Обиженный Павлик пожал плечами.

— Значит, вы считаете, что я к вам плохо относился?

— Нет, хорошо! И, оказывается, это плохо! Так спокойно жила... Ходила на рынок, стояла в очередях, убирала, стирала, сидела у телевизора. Вы хотели облегчить мне труд и купили в подарок чайник со свистком... Он свистит, а у меня все валится из рук. А ко дню рождения вы мне подарили соковыжималку. Вы думаете, она выжимала сок из фруктов? Нет, она его выжимала из меня! А ваш электрополотер? Он лодырь. Он вечно отдыхает в ремонте. Пол натирал не он, а я...

Из глаз Веры Ивановны текли светлые, добрые слезы. Она допила воду из стакана и печально оглядела небольшую, но уютную квартиру Макаревых.

— Вы же без меня зарастете! У вас появятся тараканы и грибы... Нет, все не так просто... Была в Васькиной школе членом родительского комитета, сидела в президиуме... Сам директор говорил, что я его правая рука. Руководила кружком «Умелые руки»... Что же вы молчите, Павлик? Скажите, посоветуйте! Вы ведь умный человек! Научный работник...

Павлик молчал. Потом, не выдержав настойчиво-вопросительного взгляда Веры Ивановны, начал:

— Да, научный работник! И я думаю...

Но Вера Ивановна перебила его:

— А что вы, извините, научный работник, понимаете? Вы даже журнал выписываете «Наука и жизнь». Наука! И жизнь! Разные вещи! Наука — одно, жизнь — другое...

Звонок у входной двери залился долгим и нетерпеливым звоном. Павлик побежал открывать и вернулся с Леночкой. Тоненькая и стройная, в голубых джинсах и богато иллюстрированной кофточке, она бросила в передней портфель и вбежала в комнату с веселым воплем:

— Бабушка! Как хорошо, что ты вернулась! Мы без тебя уже пускали пузыри и бодро шли на дно! Честное слово, наш дом без тебя как без рук!

Она обняла Веру Ивановну, несколько раз крепко расцеловала и закружила по комнате.

Тут она заметила, что Вера Ивановна плачет:

— Бабушка! В чем дело? Почему ты плачешь?

— Наверно, от радости! — тихо ответила Вера Ивановна.

ЛИЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Администратор гостиницы — неестественная блондинка с загадочной, как у мадонны улыбкой, протянула Ивану Герасимовичу серый талончик:

— Значит, ваш номер 718-й. Но помните, до девяти утра.

— Эх, миленькая, режете вы меня без ножа! — огорчился Иван Герасимович. — Приехали на два дня, а вы, будучи такой красивой, такая негостеприимная!

Мадонна усмехнулась и пропустила комплимент мимо ушей. Сколько она их слышала!

— Я ведь вам объяснила: мы — гостиница «Интуриста», и номер забронирован для иностранца. Он утром прилетит. Я делаю вам одолжение, а вы вместо благодарности...

— Ой, что вы, миленькая! Я вам сердечно благодарен. Только вы войдите в мое положение. Билет у меня на послезавтра, хотел и Москву посмотреть, и друзей повидать, и купить кой-чего, а вы: «Утром освободите!» А куда я, сирота казанская, денусь?

Мадонна задумалась.

— Ладно, — сказала она решительно, — утром вы номер освободите, сдайте вещи в камеру хранения и приходите к шести часам. Будут выезды, и я вас, казанскую сироту, устрою.

— Вот за это, голубушка, глубокая вам благодарность и сердечное спасибо, — обрадовался Иван Герасимович, подхватил свой чемодан и поспешил к лифту.

Утром Иван Герасимович проснулся и не понял, где он. Атласные портьеры, тяжелые кожаные кресла, белый телефон и копия «Девятого вала» Айвазовского могли потрясти любого. Но Иван Герасимович взглянул на часы, они показывали половину девятого,

вздыхнул и начал одеваться. А через полчаса он освободил сказочный номер, сдал вещи в камеру хранения, побрился и постригся в гостиничной парикмахерской и спустился в кафе, где сел за единственный свободный столик.

Вскоре к нему подсел высокий седой иностранец в светлом костюме и пестрой рубашке. Иностранец приветливо улыбнулся белыми, как рояльные клавиши, зубами и положил справа от себя тяжелую деревянную грушу, к которой был прикреплен ключ от номера. Иван Герасимович невольно взглянул: «№ 718!»

«Понятно, — подумал Иван Герасимович, — вот значит, кто сейчас занимает этот прекрасный номер!»

Иностранец перехватил взгляд Ивана Герасимовича и спросил по-русски, с легким английским акцентом:

— Знакомый номер, да?

— Знакомый, — кивнул Иван Герасимович. — Я жил в этом номере.

— Вот оно что! Но, я надеюсь, вас не выселили из него, чтобы поселить меня?

— Почему вы так думаете? — насторожился Иван Герасимович.

— Мой друг Роберт мне рассказывал: когда приезжают иностранцы, русские своих выселяют. Это правда?

— Бывает по-всякому! — неопределенно ответил Иван Герасимович.

Тут к их столику подошел официант, быстро принял заказ и отошел.

— Давайте познакомимся, — сказал иностранец. — Я Джорж Козлов из Детройта, штат Мичиган. Мои родители — выходцы из России, и я воспитан в русском духе. Я бизнесмен и приехал к вам по торговым делам моей фирмы.

— Что ж, милости просим! — Иван Герасимович улыбнулся и в ответ на вопросительный взгляд иностранца Козлова сказал: — А я, стало быть, гражданин Советского Союза и воспитан в советском духе. Рабочий. Из города Костромы. Еду через Москву в Сочи. На отдых.

— Очень приятно, — еще раз поклонился Козлов. — А в каком, простите, вы живете номере?

— Я вечером получу номер.

Иностранец внимательно посмотрел на Ивана Герасимовича:

— Слушайте, неужели мой друг Роберт все-таки сказал правду?

Иван Герасимович промолчал.

— Да, хорошенькие у вас порядки! Вас, рабочего из Костромы, выселили, чтоб поселить меня, капиталиста из Детройта!

— Что делать? Вы гость, я хозяин! Уверен, если бы я приехал к вам, вы бы мне тоже уступили свой номер!

— Никогда! — запальчиво возразил Козлов.

— Значит, я более гостеприимный хозяин, чем вы! — миролюбиво сказал Иван Герасимович.

— Перестаньте! Секрет в другом. У вас не хватает гостиниц — это первое, и я плачу доллары — это второе.

— Правильно, — согласился Иван Герасимович. — Гостиниц у нас действительно не хватает. А знаете, почему?

— Нет.

— Потому что мы строим жилые дома и даем нашим гражданам квартиры бесплатно. Я, например, совсем недавно получил трехкомнатную. Так что, слава богу, что у меня есть квартира в Костроме и нету номера в Москве.

— Это не ответ! — отмахнулся Козлов. — Гостиницы должны быть независимы от квартир.

— Будут! — уверенно сказал Иван Герасимович. — А насчет того, что вы платите валютой, вы тоже правильно заметили. Она, понимаете ли, нашему государству во как нужна! Очень!

К столику наших собеседников подошел официант, расставил принесенную еду, налил им кофе и отошел.

— Все время вы говорите: «Государство! Государство!» Интересно, думает ли ваше государство о вас так же, как вы о нем? — спросил Козлов.

— А как же! У нас полная взаимность! — ответил Иван Герасимович. — Я уже вам говорил, что недавно получил трехкомнатную квартиру бесплатно...

— Не верю! — резко сказал Козлов.

— Да, товарищ бизнесмен... то есть, мистер, в такое вам трудно поверить. Я, например, долго не мог поверить, что люди живут под открытым небом, а новые, прекрасные дома стоят пустые. Но в прошлом году был в Италии и сам это видел. Наверно, и у вас, в Соединенных Штатах, так? Система ведь одна.

Козлов промолчал и спросил после паузы:

— Вы в прошлом году были в Италии?

— Был. В туристической поездке.

— О, вы, оказывается, богатый человек! Поездка в Италию — большие деньги.

— Так я ведь со скидкой!

— С какой скидкой? — не понял Козлов.

— Цена путевки шестьсот рублей, а мне она стоила сто тридцать.

— А кто уплатил остальные?

— Государство! — сказал Иван Герасимович. — Вот сейчас я еду в Сочи, в санаторий. Цена путевки — сто семьдесят. Я плачу сорок, остальные государство. Дочка моя учится в консерватории — бесплатно. То есть для меня бесплатно, потому что платит за нее кто?

— Государство! — автоматически ответил Козлов.

— Ну вот, начинаете понимать! — обрадовался Иван Герасимович и налил себе еще чашку кофе. — А вы, извините, конечно, надолго к нам?

— Недели на две.

— Тогда увидите и узнаете много нового. Посидите, поговорите, вот как мы с вами поговорили, и многое для вас прояснится. Я вам так скажу: очень полезная вещь — личные контакты!

ЧЕРТОВА СТАРУХА

Секретарша Любочка вошла в кабинет Федора Ивановича и, посмотрев на него печальными глазами великомученицы, вздохнула. Федор Иванович и взгляд и вздох понял и спросил убитым голосом:

— Она?

— Она, Федор Иванович.

— Вот чертова старуха! Явилась. И ты, Люба, хороша. Не могла сказать, что я в командировке?

— Сказала, Федор Иванович. А она говорит: «Не ври, милая. Сама видела, как он из черной «Волги» выпорхнул. В шляпе и в бежевом костюме».

— Ладно, пусть войдет, — обреченно махнул рукой Федор Иванович.

Любочка вышла из кабинета, и после короткой паузы в дверях возникла старушка лет за семьдесят, в опрятном вязаном жакете и голубой косыночке. Эпитет «чертова» ей абсолютно не подходил, так как у нее были добрые, еще недавно голубые глаза, маленький, легкомысленно задранный носик и множество веселых морщинок.

— Здравствуй, Федор Иванович! — улыбнулась старушка. — Вот пришла.

— Вижу, — отнюдь не гостеприимным тоном ответил Федор Иванович.

— Сам сказал пятого числа, а сегодня пятое.

— Я сказал не **пятого числа**, а **числа пятого**!

— А какая разница?

— Большая, — объяснил Федор Иванович. — Пятого числа, значит, пятого, а **числа пятого**, значит, восьмого, десятого и далее.

— Так бы и сказал «и далее». А я думала пятое и есть пятое. А хожу я к тебе второй год.

— Знаю, — кивнул Федор Иванович, — и действительно хочу помочь, но как назло сложилась такая ситуация, что придется еще немного подождать.

Какая же такая ситуация свела начальника телефонного узла Федора Ивановича и тихую старушку Веру Игнатьевну? А вот какая.

Год назад прокладывали новую телефонную линию, и столбы были установлены на той улице, на которой стоял домик Веры Игнатьевны. И надо же такому случиться: столб, который устанавливали против ее домика, поднимали не утром, не днем, а сразу же после обеденного перерыва. А после обеда у поднимавших его ребят то ли реакция была замедленной, то ли не рассчитали свои силы во время обеда, но столб они уронили на домик Веры Игнатьевны и несколько повредили крышу и фасад.

Разумеется, Вера Игнатьевна смертельно перепугалась, кричала и плакала. Виновники происшествия — ребята рослые и крепкие, как столбы, которые они ставили, клятвенно уверяли Веру Игнатьевну, что сегодня же, ну в крайнем случае завтра все исправят.

— Ты не сомневайся, бабушка, починим. А то, что авария, так это законная вещь, это всегда — одно строят, другое ломают!

Вера Игнатьевна, будучи женщиной доверчивой, скорее всего поверила бы симпатичным ребятам, но прибежавшие соседи настояли на том, чтобы был составлен акт и чтобы этот акт Вера Игнатьевна отнесла к начальству. Вот как пересеклись пути Веры Игнатьевны и Федора Ивановича, который торжественно заверил ее, что следы послеобеденного происшествия будут срочно устранены.

А телефонизация района продолжалась. Месяца через три вечерняя газета с гордостью сообщила о завершении работ, и целый ряд товарищей, начиная с Федора Ивановича и включая молодых людей, уронивших столб, получили благодарности в приказе, денежные вознаграждения и ценные подарки.

Естественно, о ремонте дома Веры Игнатьевны никто и не вспомнил, тем более что вспоминать было уже поздно: работа закончена, план перевыполнен, вот-вот включают телефоны! Знала бы Вера Игнатьевна неписанный закон строителей: «Если объект принят, то все, что не закончено, никогда и не будет закончено!» — не моталась бы под ногами и не морочила бы голову Федору Ивановичу. А она регулярно и безропотно являлась в его приемную, где в сотый раз рассказывала о своей неприятности секретарше Любочке и верила в торжество справедливости.

— Вот чертова старуха, — думал Федор Иванович, глядя на протодушную и терпеливую старушку, сидящую на кончике кресла перед его столом, — неужели она не понимает, что я уже ничего не могу сделать? Объект закрыт! Сдан, черт возьми! Ну, повредили крышу. И что же? Могла бы сообразить: вокруг разворачивается такое строительство. Пошла бы на ближайшую стройку, договорилась с кем-нибудь из ребят. За два пол-литра они ей не только этот мелкий ремонт произведут, а полдома отгрохают и проведут центральное отопление! Нет, видите ли, ей хочется все по закону, так сказать, за государственный счет! А как это сделать?

Федор Иванович еще раз посмотрел на чертову старуху и понял, что она не тот человек, который пойдет на стройку с пол-литрами. И так как в принципе человек он был добрый и совестливый и с детства уважал старших, то в порыве благородных чувств сказал:

— Вы, уважаемая, вот что... Тут недалеко строится наш новый телефонный узел...

— На Почтовой, что ли? — спросила Вера Игнатьевна.

— Да, на Почтовой. Там, на стройке, есть прораб товарищ Сыроежкин. Попросите его, ну, от моего имени, чтоб он привел ваш домик в порядок, и дайте ему, ну, десятку, не больше. Только после того, как они закончат работу! Вы меня поняли? Десятку!

— Поняла, милый, поняла! Спасибо тебе! — вся засияла Вера Игнатьевна. — А квитанцию он мне даст?

— Какую квитанцию? — не понял Федор Иванович.

— На эту десятку?

Федор Иванович печально улыбнулся:

— Не надо квитанции. Не надо! Эти деньги я верну вам... без квитанции. Сам верну. Лично! Понятно?

— Большое спасибо! — благодарно поклонилась чертова старуха и, счастливая, покинула кабинет Федора Ивановича.

НАЗАД К ОБЕЗЬЯНЕ?

Недавно я возвращался домой часов в десять вечера и у плохо освещенного подъезда наступил на что-то мягкое. Это мягкое взвыло и ухватило меня за ногу мертвой хваткой. «Собака!» — в ужасе решил я, вырвал ногу из пасти чудовища и бросился к своему подъезду. Тут чудовище перестало выть и заорало нечеловеческим голосом, и такое заорало, что я понял, что это не собака, а именно человек! Царь природы!

Пока я все это сообразил, я успел оказаться на своем пятом этаже, куда долетел быстрее лифта раза в три.

Минут через пятнадцать я пришел в себя, отдышался, выпил чаю с клубничным вареньем и вот решил поделиться с вами некоторыми соображениями.

Давайте, как говорится, на минуточку призадумаемся... Мы живем в двадцатом веке и чуть ли не ежедневно поражаемся, сколько удивительно умных и точных машин, механизмов, агрегатов и аппаратов создал человек. Космические корабли, ЭВМ, радары, лазеры, телевизоры и бормашины. Да разве все перечислишь? А роботы, которые в умении и мастерстве дают фору самому человеку? А транзисторы, которые ему же, человеку, не дают жить? О чем говорить — двадцатый век, век научно-технической революции!

И все же даже в наши дни превзойти природу человеку не удалось. Самый совершенный механизм на земле создала она, матушка природа. Какой? Самого человека! Он умеет абсолютно все: не только перерабатывать пищу, но и добывать ее; не только думать, но и осуществлять задуманное; он умеет работать и отдыхать, грустить и веселиться, плакать и смеяться, петь и танцевать! Он может выдерживать такие перегрузки, которые любую машину вывели бы из строя через пять минут! И, главное, он способен работать чуть ли не до ста лет, разумеется, при минимально грамотном уходе за своим организмом. Кроме того, человек — единственное существо в мире, у которого есть чувство юмора. Человек способен смеяться даже над собой! Тут, конечно, я несколько преувеличиваю: чувство юмора есть отнюдь не у всех, а уж смеяться над собой умеют, а главное, разрешают далеко не все!

И вот это великолепное создание природы — человеческий организм попадает к различным людям, и иной раз просто диву даешься, что человек способен с ним сделать! Вот о людях, которые относятся к своим организмам не как автолюбитель к своему первому автомобилю, а как шофер к «казенному» грузовику, который в конце года будет списан, мы и намерены побеседовать с вами.

Скажем, тот же человек, на которого я наступил у подъезда. Вы представляете, до какого состояния надо было довести удивительный человеческий организм, если он не сумел доставить своего владельца домой и величайшее чудо природы — человеческий мозг с его мудрыми нервными клетками и гениальными извилинами не смог даже вспомнить домашний адрес, а если бы и вспомнил, то не смог бы выговорить. Единственное, что смогли бедные нервные клетки и извилины этого варвара двадцатого века, — довести его до чужой лестничной клетки весьма извилистым путем!

Обидно, товарищи, за природу! Миллионы лет она старалась, экспериментировала на обезьянах, из которых и создала человека, и вот на ее глазах с помощью отдельных граждан творится обратный процесс: человек, царь природы, возвращается назад, к обезьяне! Да-да, если ученые утверждают, что труд создал человека, то водка превращает человека в кого? Конечно, в обезьяну! Еще Сенека много веков тому назад сказал: «Пьянство — это добровольное сумасшествие!» И он прав! Вы представляете этого обезумевшего царя природы на следующее утро на работе? А результаты его работы представляете?

Врачи утверждают, что люди, которые систематически пьют, живут на десять — двенадцать лет меньше! Так разве люди, которые систематически пьют, верят врачам? Не верят, и все! Что они понимают, эти врачи? Единственное, чего можно от них добиться, —

больничный лист. Так и то дают они его как-то неохотно: только больным!

Очень нелегкая жизнь у тех, кто любит выпить. У них никогда нет времени! Серьезно! Сперва надо добыть «тугрики», потом найти партнеров, потом сбежать за «ней», потом сообразить, где выпить и чем закусить, а после этого «потом» — время вообще кончается. Тут, дай бог, благополучно добраться домой пешком, а не в милицейском мотоцикле и перед тем, как свалиться в постель, снять оба ботинка...

И что самое обидное: говорим «пьянство», кричим на собраниях, клеймим в газетах, но, думаете, пьющих становится меньше? Как бы не так...

А кто виноват? Мы! Да, я и вы, товарищи, тоже. Если не все, то большинство из вас. Не верите? Сомневаетесь? А я вам докажу. Для удобства начну с себя.

На прошлой неделе был день моего рождения. Гости. Двенадцать персон. К их приходу жена накрыла стол. А жена у меня хозяйка. Так что на столе — рыбка-колбаска, винегреты, рулеты, паштеты, шпроты-антрекоты, картошечка без головы и атлантическая сельдь в мундире... То есть наоборот. А в центре стола между блюдами и тарелками сами догадываетесь что... Двенадцать бутылок! Нет-нет, две с нарзаном и одна «Буратино». Все равно много? Так меньше неудобно. Скажут — жмот, скупердяй. День рождения раз в году, а он, прохвост, экономит... И на практике оказалось как раз: весь стол «усидели». И весело было, передать невозможно! Пели, танцевали, один из гостей, грузин по национальности, Аккакий Чепухадзе, показывал на кухне, как жарить шашлык. Барана у нас, конечно, не было, так он отломал у стола две задние ножки и показывал. Ничего! Некоторые даже пытались укусить. Все хохотали до слез. Очень было весело. А в три часа ночи явился сосед снизу и двое с боков. Ну, я им объяснил, что сегодня у меня праздник, завтра у них. Словом, они тоже выпили. Короче говоря, праздник удался на славу!..

И хотя, поверьте, собрались у меня не какие-нибудь алкоголики или забуддыги, а вполне уважаемые члены нашего общества: один — без пяти минут академик, другой — вот-вот народный артист, и все остались довольны моим приемом, но на следующее утро у вот-вот народного на киностудии был сердечный приступ, его отволокли в медпункт и отменили съемку; у без пяти минут академика разболелась голова, и его отвезли с работы домой, а инженер, который был среди моих гостей, такое напутал в чертежах, что потом специальная комиссия три дня разобраться не могла.

И тут мы с женой, а она бухгалтер, подсчитали: нам этот банкет влетел в триста пятьдесят «р». А вот государство, грубо говоря, тысяч в шесть! Не верите? Давайте посчитаем. Отмененная съемка — тысяча восемьсот, вот-вот академик ушел из лаборатории, и в ней никто не работал — шестьсот рублей, инженер напутал тысячи на полторы, да

и моя жена-бухгалтер на следующий день тоже напутала свой дебет-кредит... Пожалуй, единственный человек, который не принес государству ущерба,— я. Я проспался и вечером выступал. Вот с этим фельетоном...

Теперь вы понимаете, уважаемые товарищи, что я не зря говорил, что виноваты и многие из вас. У вас, извините, гражданин в седьмом ряду, когда был день рождения? А вы, гражданка, когда отмечали годовщину свадьбы? А вы, если не ошибаюсь, гражданка, помните, как праздновали день рождения вашего Петьки? Помните? Уложили бедного ребенка спать, а сами водили хороводы до трех часов ночи и так плясали, что у соседа люстра оборвалась...

Моя жена, она работает на одном предприятии... Ну, не буду говорить на каком, подсчитала: на их заводе по причине прогулов и травм, полученных в нетрезвом состоянии, за два месяца потеряно 230 рабочих дней. Помножьте, сосчитайте — и ахнете, какой убыток принесен государству! И не только государству, а и нам с вами. Вот вы приходите в магазин, чтоб купить вашему Петьке колготки. А их, оказывается... пропили. Seriously! Не будь у тридцати рабочих колготочной фабрики прогулов, они бы выпустили на семь тысяч пар колготок больше, и вашему Петьке тоже хватило бы. А так — предмет повышенного спроса!..

Вы не думайте, что я ханжа и проповедую сухой закон. Что вы? В меру, да по случаю, да интеллигентно — пожалуйста! Кто против? Я ведь о чем мечтаю? Чтобы в Министерстве пищевой промышленности то управление, которое ведает вино-водочными изделиями, хоть один год плана не выполнило. Это не страшно! Зато другие министерства перевыполняют, и от этого государство только выиграет. И нам от этого будет польза немалая.

Ничто так не губит человеческий организм, как спиртное. И очень жаль, что многие люди этого никак понять не могут. Смешно, ей-богу, животные понимают, а люди нет. Вы когда-нибудь видели пьяную лошадь? Говорят: напился, как свинья, а свиньи ведь не пьют. Один дрессировщик львов мне рассказывал: стоит ему выпить рюмочку — он в клетку войти боится. Львы его растерзают! Вот это действительно цари природы — и сами не пьют и другим не разрешают!..

Поэтому, дорогие товарищи, учтите мой дружеский совет: берегите свои организмы. Ничто им так не вредит, как алкоголь! Запомните: организмы отпускаются людям в количестве одна штука на всю жизнь! Запасных частей к ним почти не выпускают, а если выпускают кой-какую мелочь — зубы, почки и вот-вот наладят выпуск сердец, то, поверьте мне, они куда хуже тех, которые вам вручила природа. То ли у нее материалы лучше, то ли ее поставщики не подводят. Так что берегите то, что есть! Организм — он такой: при неграмотном обращении может вернуть вас назад, к обезьяне!

МАТЕМАТИКА ЖИЗНИ

(Письмо в Академию наук)

Уважаемые товарищи члены Академии наук! Вам хорошо известно, какая работа проводится для того, чтобы продлить человеческую жизнь. Это светлая мечта не только каждого из нас — обыкновенных граждан, но, учитывая возраст многих из вас, и ваша тоже. Не зря ведь существует созданная вами специальная наука геронтология и возникли различные научно-исследовательские институты, которые на решение этой проблемы тратят свои скромные силы и немалые государственные средства.

Так вот, исходя из изложенного, позвольте вам задать вопрос: стоит ли продлевать человеческую жизнь, если большинство граждан сами ее укорачивают? Именно в этом направлении — борьбе с самоукорачиванием жизни — я, не выдающийся ученый, а простой пенсионер, в течение нескольких лет вел научно-исследовательскую работу и имею совершенно конкретные предложения, которые и выношу на ваш суд.

Как известно, передовая наука изобрела большое количество весьма полезных и необходимых счетных устройств — от бухгалтерских счетов до ЭВМ включительно. Возьмем такой несложный прибор, как шагомер. Прекрасная вещь! Положил его в карман и знаешь точно, сколько шагов ты нынче отмахал. Или другой прибор: счетчик Гейгера. Вошел в помещение, поглядел на прибор и сразу узнаешь, какая вокруг атмосфера и можно ли в этой атмосфере жить и работать.

А я предлагаю срочно изобрести счетчик жизни. (Я за славой не гонюсь, и моей фамилией называть данный прибор, то есть «счетчик Макушкина», не обязательно!)

Что же это за «счетчик жизни»? Как и все выдающиеся изобретения, мой прибор удивительно прост. Допустим, вы где-то в глубине души решили прожить до девяноста лет, а утром поругались с женой. Слово за слово — скандал, и что? Явное сокращение жизни! На сколько? В зависимости от децибелов данного скандала. Иной раз таким скандалом можно сократить свою жизнь чуть ли не на две недели. Но речь не об этом. Речь о счетчике, который строго научно определяет силу скандала в потерянных часах жизни. Допустим, вы их наскандалили 96, и ваш счетчик быстренько их отнимает от запланированных девяноста лет жизни. Дальше вы поехали на работу, в автобусе ввязались в пассажирский конфликт, вы кого-то пихнули локтем, а этот кто-то лягнул вас коленом в ухо — и будьте любезны, ваш счетчик отнимает еще три часа. На работе затеяли спор с сослуживцем на тему, кто будет чемпионом нашей страны по футболу, — еще час двадцать минут... Вся математика жизни ваш

счетчик знай себе подсчитывает и вычитает... После работы вы зашли в гастроном и в булочную — еще час с хвостиком потеряно, и, глядишь, к вечеру, за один нынче прожитый день вы потеряли два в будущем... А если затеяли ремонт квартиры, сдали что-нибудь в химчистку или пошивочное ателье или вам должны установить телефон — тут ваш счетчик уже отсчитывает не часы, а сутки! Даже недели!

Однако в результате вышеизложенного у некоторых может сложиться впечатление, что мой счетчик жизни призывает граждан не волноваться и не тратить свои драгоценные нервные клетки. Это, дорогие деятели науки, совершенно не так! Я призываю не тратить нервы зря! А если вы их тратите с пользой для дела, то такая трата нервов идет вам в актив, и счетчик в таких случаях отсчитывает время в вашу пользу.

Поясню примером. Если в ателье, в котором вам больше полугодика портят пальто, вам удалось получить «книгу отзывов и предложений» и вы в этой недосыгаемой книге написали все, что думаете о ненавистном закройщике, бюрократе — приемщице заказов и грубияне заведующем, то можете не сомневаться, что ваш счетчик дня три жизни вам приплюсует. А если после вашего выступления на цеховом собрании полетит начальник цеха, который прославился хамским отношением к окружающим, то за такое дело, знаете, сколько жизни прибавится не только вам, но и вашим коллегам! Нет, конечно, если он не полетит, то он вам позже сильно сократит жизнь. Но если ваша возьмет, считайте две недели жизни у вас в кармане.

А если, предположим, вы писатель и у вас вышла книга? Знаете, как эта книга продлит вашу жизнь! Само собой, пока она выйдет, вы потеряете полжизни наверняка, но уж после выхода книги годик жизни к своему балансу можете прибавить свободно!

Так вот, глубокочтимые и весьма уважаемые корифеи и лидеры науки, слово за вами! Во-первых, необходимо мою идею либо поддержать, либо похоронить. Второе, если вы мою идею все-таки поддержите, то надо срочно создать специальный институт, который через каких-нибудь десять лет выпустит опытный образец предлагаемого мною счетчика, а еще лет через пятнадцать, после бурной полемики в печати на тему «Кто виноват, почему не выпускаются счетчики жизни?», они наконец поступят в продажу. Разумеется, с предварительной записью, как еще недавно холодильники и телевизоры, а теперь «Жигули».

Поскольку до этого светлого будущего я по возрасту не дотяну, прошу считать мое предложение полностью бескорыстным и рассчитанным на грядущие поколения, которые будут так прогрессивны и сознательны, что, может быть, вообще обойдутся без такого счетчика.

С большим уважением к вам, товарищи академики,
пенсионер Г. Макушкин.

ГРОМКАЯ СВАДЬБА

Женщина второй молодости с сияющим лицом и не поддающейся описанию прической ворвалась в мою комнату и произнесла торжественным голосом, каким дикторы телевидения объявляют выступления Муслима Магомаева:

— Алексей Палыч, завтра я выхожу замуж!

— Поздравляю! От души! — торжественно произнес я и потряс препетную руку невесты.

— Спасибо. Надеюсь, как друг и сосед по дому, вы нас почтите?.. — кокетливо спросила она.

— Конечно! — кивнул я, понимая, что завтрашний день из моей жизни выпал, а приглашены мы оба — я и мой бывалый «Москвич». Если быть честным, очевидно, я приглашен из-за него.

— Значит, так... В двенадцать бракосочетание во дворце, потом перерыв, а вечером торжество в ресторане «Колокольчик» Второй этаж, зал Б...

— Садитесь, — любезно пригласил я.

— Ой, что вы! У меня ни секунды времени, — сказала невеста, опускаясь на стул. — Но свадьба, между прочим, будет грандиозная! Шутка сказать, этот «Колокольчик» влетит в тысячу двести «рэ»!

— Сколько?

— В тысячу двести! — вздохнула невеста. — Гостей девяносто человек! Каждому закуска, каждому шашлык или табака, то-се, пятое-десятое, мороженое плюс напитки. А за чужой счет люди знаете как пьют!

— Да, дорогую вы затеяли свадьбу, — покачал я головой.

— Что делать? Теперь так принято. Давно, когда я в первый раз замуж выходила, люди женились тихо и скромно. И во второй тоже. А теперь свадьба должна быть громкая! Подвенечное платье. Фата. Такси. На каждом куклы, шарики, ленты.

— Ишь ты!

— Что делать? У Верочки Козлотуровой было шестьдесят гостей... Неужели я хуже Верочки или у меня меньше друзей? Между прочим, она тоже будет! — лукаво подмигнула мне гордая невеста. — Пусть полюбуется, как люди выходят замуж...

— Лучше бы записались на кооперативную квартиру.

— Еще чего? Квартиру моему мужу завод предоставит к Седьмому ноября.

— А мебель?

— И мебель будет. Мы договорились: ему завком дает холодильник, мне — телевизор. Товарищи мужа скинулись на тахту, мои подруги — на торшер. Мебель будет! — Она понизила голос. — Мы, честно говоря, и свадьбу хотели проверить за государственный счет,

так они говорят, что я из комсомольского возраста уже вышла, а других свадеб пока не бывает. Так что, как ни жаль, а тыщи полторы личных денег мы — тью-тью! — вздохнула бедная, но опытная невеста.

— Да, у вас такой размах...

— Теперь так принято. Вы Степаковых знаете? Поженились. Тихо, скромно... А результат? Все говорят, что они жмоты и скупердяи. А свадьбу Лобогрейкиных весь город до сих пор вспоминает.

— Но они, насколько мне известно, развелись...

— Развелись. А долги за свадьбу до сих пор выплачивают. Но это ж была свадьба! Со свечами! А у меня, только никому не говорите, каждому гостю будет сувенир: искусственный тюльпан. Рубль штука, но эффект — с ума сойти! Такого еще не было!

Соседка встала и направилась к двери.

— Значит, милости прошу, — сказала она с улыбкой и, как бы вскользь, спросила: — А во Дворец бракосочетаний вы поедете на своем «Москвиче»? — И, не дав мне ответить, добавила: — С вами поедут родители мужа и мой парикмахер, а в свадебной кавалькаде ваша машина будет шестая!

— Ладно, — уныло согласился я.

— Да, последнее! Совсем забыла. Захватите с собой рублей двести — двести пятьдесят.

— Зачем?

— Мало ли что... Вдруг не хватит расплатиться по счету, так вы уж выручите. Взаимообразно.

— Ладно! — согласился я, провожая энергичную невесту к выходу.

НОВАЯ КЛЮШКА

Сашка Егоров, десяти лет, одной рукой потирал ту часть тела, по которой несколько раз прошелся отцовский ремень, а другой рукой размазывал голубые, прозрачные слезы. Одновременно с этими действиями он еще жужжал, как осенняя муха.

— Ничего, ничего... Я этого так не оставляю! За все ответишь! — угрожал он своему отцу Виктору Павловичу, который нервно шелестел вечерней газетой и делал вид, что не слышит Сашкиных угроз. — Напишу, как ты меня воспитываешь, — продолжал зудеть Сашка. — В детскую комнату милиции — раз, директору школы — два, нашему вожатому — три!

Виктор Павлович невозмутимо читал газету.

— Мне что? — рассуждал Сашка. — Поболит и перестанет, а тебе дадут жизни, ох дадут!

— Кто мне даст жизни? — не выдержал Виктор Павлович и отложил газету.

— Все! Как начнут тебя таскать туда-сюда, как начнут прорабатывать — поймешь, почему фунт лиха!

— Да брось ты! — отмахнулся Егоров. — Подумаешь — преступление! А как тебя, кретина, воспитывать, если не ремнем?

— И кретина запомним! — злорадно пообещал Сашка.

— Запомни, запомни, дубина стоеросовая!

— И дубину... как ты сказал? Запомним! И дырявую башку, и лоботряса с бараньими мозгами, и губошлепа...

— Этого я не говорил.

— Сегодня нет, а вчера говорил! Да... Сильно я тебе не завидую. Наш вожатый из этого факта такое устроит! Пойдет к тебе на завод... И в газету напишу. И твой портрет отправлю.

— Только попробуй! — пригрозил отец.

— А что ты мне сделаешь?

— Башку оторву!

— Вот это ты умеешь! Угрожать, драться, обзывать! Посмотришь на тебя — человек вроде бы интеллигентный, с образованием, читаешь газеты, знаешь все постановления, а воспитывать единственного сына не умеешь. Поговорить с ним по душам, найти общий язык...

— С тобой найдешь!

— А ты пробовал? Ты знаешь мои мечты, мои интересы, мои мысли о завтрашнем дне?..

— Ладно, замолчи! — нервно прервал его Виктор Павлович и снова зашелестел газетой. — Надоело...

— Пожалуйста, могу замолчать! — Сашка обиженно отвернулся к стене, поковырял пальцем рисунок обоев и сказал: — Конечно, будь ты другой человек, я бы тебя, может, и простил, а так — все напишу. И как ты с бюллетенем на рыбалку ездил; и как домой на государственной машине обедать приезжаешь; и как пьяный пришел и мама тебе по шее дала...

Виктор Павлович отложил газету и посмотрел на Сашку:

— Слушай, ты, не знаю, как тебя назвать, я твоих угроз не боюсь...

— Еще как боишься, — перебил его Сашка.

Но Виктор Павлович повторил:

— ...не боюсь, но мне просто интересно, а как бы ты хотел, чтоб я тебя воспитывал?

— Как? — удивился Сашка, сел на стул, но тут же вскочил. — Во всяком случае не ремнем! Людей надо воспитывать добром и личным примером. А какой ты мне пример подаешь? Надо со мной поговорить, объяснить... Я возьму обязательства...

— Какие еще обязательства? — удивился отец.

— Повышенные! И по школе и по дому.

— А если ты их не выполнишь?

— Влепишь выговор. Один, другой... — сказал Сашка. — У тебя же есть два выговора. И ремнем тебя никто не воспитывает. Только добром!

— Сравнил!..

— А что? Выходит, если ты взрослый, то можешь обязательства не выполнять? А дети должны, так, что ли? Вам и премии и тринадцатая зарплата... А нам что? Раз в год каникулы? Учись, как проклятый, играй на рояле... А во имя чего? Вот купил бы мне новую клюшку, чтоб я, как все дети, занимался спортом и рос здоровым членом общества. Вот тогда я бы тебе показал, как люди учатся, как выполняют обязательства.

— Ишь ты какой! — усмехнулся отец. — Клюшку захотел...

— А ты думал? Это ты считаешь, что у меня бараньи мозги. Напрасно! У меня мозги что надо. Иду в ногу со временем! Так как же, я получу клюшку?

— Дудки ты получишь, а не клюшку!

— Твое право! А я воспользуюсь моим: напишу в четыре места. С портретом.

— Пиши. Я не боюсь! — махнул рукой Виктор Павлович и вышел из комнаты.

Однако на следующий день Сашка появился во дворе с новой клюшкой. Наверно, все-таки взял повышенные обязательства...

СЧЕТ ИЗ МЕДИЦИНСКОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Конечно, одна из самых приятных минут в жизни человека — получение зарплаты. Кассир говорит — «распишитесь!», вы чиркаете автограф, вам отсчитывают новенькие, хрустящие банкноты и сверкающее, как рыба чешуя, серебро, и с чувством глубокого уважения к самому себе вы отходите от кассы.

А если вам к тому же восемнадцать лет и это пятая зарплата в жизни, понимаете, какие фанфары играют в вашей юной груди!

Предвкушая эти радостные минуты, Виталий Щукин отстоял сколько требовалось у окошка заводской кассы, услышал ласкающее слух — «распишитесь!», взял в правую руку привязанную на шнурочке шариковую ручку, но увидел, что причитающаяся ему сумма меньше, чем обычно. Естественно, он поинтересовался, почему сумма меньше, и кассир ответил, что бухгалтерия удержала пятнадцать рублей.

— За что? — спросил Виталий, глядя на кассира круглыми от удивления глазами.

— Это тебе объяснит бухгалтер,— ответил кассир и почему-то игриво подмигнул.

— Ладно,— кивнул Виталий, положил банкноты и серебро в карман комбинезона и направился к бухгалтеру.

Бухгалтер минуту-другую копался в бумагах и сообщил, что пятнадцать рублей удержаны по распоряжению отдела кадров «за услуги, оказанные Щукину В. П. медицинским учреждением».

— Кем? — удивился Щукин В. П.

— Вытрезвителем,— строго сказал бухгалтер и погрозил Виталию пальцем.

— Каким вытрезвителем? — недоумевал Виталий.

— Даже не помнишь, каким,— противно усмехнулся бухгалтер.— Хорошенький ты был, наверное...

— Да не был я ни в каком вытрезвителе!

— Как это не был? Отдел кадров передал мне счет из вытрезвителя города Пензы.

— Какой Пензы? Сроду я ни в какой Пензе не был и даже не знаю, где она есть.

— Не знаешь? — недоверчиво усмехнулся бухгалтер и снял очки.— А где же интересно ты был 22 мая?

— Дома.

— А не в Пензе?

— Да что вы ко мне привязались с этой Пензой? — вскипел Щукин.— Здесь я был. Здесь! Работал. Могу справку принести и от начальника цеха, и от мастера, и от табельщицы.

— Можешь? — усомнился бухгалтер.

— Конечно, могу! — твердо сказал Виталий и надел кепку.— Не был я ни в какой Пензе и не был ни в каком вытрезвителе.

И, надо сказать, эту последнюю фразу о том, что он не был ни в Пензе, ни в вытрезвителе, Виталий талдычил различным людям раз по двадцать в день в течение недели, в результате чего собрал целый букет заверенных подписями и печатами справок, которые подтверждали, что токарь третьего разряда Щукин В. П. 22 мая, находясь в родном городе, работал в своем цехе, а 23 мая вышел на работу без опоздания. Короче говоря, у Виталия было полное и безоговорочное алиби, с которым он и направился в отдел кадров к товарищу Мызникову, мужчине суровому и непреклонному, давно и твердо уверенному в своей непогрешимости.

Мызников без всякого интереса повертел в руках справки Щукина и, неожиданно просверлив их подателя испытующим взглядом, спросил:

— Что же ты хочешь, товарищ Щукин?

— Хочу получить свои незаконно удержанные деньги. Это — раз. А второе — ребята смеются... Хочу им доказать.

— Что доказать?
— Что это не я был в вытрезвителе.
— А это действительно был не ты?
— Товарищ Мызников! — возмущенно хлопнул себя ладонями по бедрам Щукин. — Вот же справки! Недельку собирал.

— Та-ак, — вяло сказал Мызников. — Значит, хочешь получить свои деньги?

— Ну да!

— А кто их тебе вернет?

— Бухгалтерия.

— А где она их может взять? У государства?

— Не знаю, — пожал плечами Виталий.

— О, — мрачно произнес Мызников. — Не знаешь, а получить хочешь! Значит, у государства пятнадцать рублей — пропадай? Оно, видите ли, и под душем купало и в чистую постельку укладывало...

— Так не меня же купало и укладывало государство, — резонно возразил Виталий.

— А кого?

— Откуда я знаю, кого?

— Вот видишь: не знаешь, а деньги требуешь! — укоризненно покачал головой Мызников. — Слушай, товарищ Щукин, ты комсомолец?

— Да.

— Вот давай с тобой и поговорим по-комсомольски, — ласково предложил Мызников, и на его толстом, мясистом лице проклюнулась улыбка.

— Давайте, — согласился Щукин.

— Ты садись.

Щукин сел, а Мызников встал из-за стола и подошел к нему вплотную.

— Ты посмотри, что получается. Государство на тебя тратит тысячи рублей. Тысячи! Оно тебя бесплатно учит, бесплатно дало квартиру, бесплатно оказывает медицинскую помощь, дает путевки в дома отдыха... А ты требуешь с него... пятнадцать рублей! Ну? Тебе не стыдно так мелочиться?

Виталий молчал.

— Ты человек умный, сообразительный и должен понять своими мозгами, что вернуть эти деньги уже невозможно! — Мызников развел руками и направился к своему креслу.

— Почему невозможно? — спросил Щукин.

Мызников сел в жалобно заскрипевшее кресло и объяснил:

— Их удержали и отправили в вытрезвитель, так? Значит, чтоб их вернуть, надо затеять бог весть какую переписку, отзывать их со счета на счет, мотивировать, писать... Представляешь какая работенка!

— Товарищ Мызников,— твердо сказал Виталий.— Если хотите знать, дело не только в деньгах, но и в принципе. Если удержали, значит, я был в вытрезвителе. А я не был! И если кто-то напутал, то пусть отвечает не государство, а он, своими деньгами, а не моими.

— Кто? — не понял Мызников.

— Тот, кто напутал.

— А кто напутал?

— Во-первых, тот обалдуй в вытрезвителе, который прислал этот счет сюда. А во-вторых, у нас тот, кто, не проверив, переслал счет в бухгалтерию...

Договорить Виталию не удалось, потому что Мызников побагровел и, вскочив с кресла, закричал, перейдя на официальное «вы»:

— Выйдите из моего кабинета!

— Что?! — не понял Щукин.

— Выйдите из моего кабинета! Сижу, ломаю голову, как ему помочь, а он меня оскорбляет...

— Я?!

— Вы! Подумать только: кому? — Руководителю! — говорит «обалдуй»! Да за такое дело я тебя на пятнадцать суток законопачу! — снова перешел на «ты» Мызников.— Выйди сейчас же из моего кабинета!

И Виталий вышел. А так как он был человек не скупой и не злопамятный, то простил эти пятнадцать рублей и Мызникову и государству.

А вот Мызников Щукину не простил и, когда в кабинете директора обсуждался состав делегации для поездки в Москву на слет передовиков производства, категорически возразил против кандидатуры Виталия, мотивируя тем, что он любит выпить! Да, только недавно с него удержали пятнадцать рублей за услуги вытрезвителя.

И что вы думаете? Виталий в Москву не поехал. И от великого огорчения основательно выпил. Но, к счастью, дело обошлось без медицинского учреждения.

ЧЕРНАЯ БУТЫЛКА

Вот такая фантастическая история недавно произошла с весьма уважаемым человеком, заслуженным деятелем искусств, композитором Николаем Павловичем Растумановым... Значит, так. Вернулся он домой с крайне важного заседания о путях развития советской песни. Записка:

«Коля, миленький! Ушла на кройку и шитье. Обед под одеялом и в холодильнике. Буду в семь. Целую. Лена».

Под одеялом — это суп и битки, чтобы не остыли, в холодильнике — компот, чтоб, наоборот, остыл.

«Ладно,— подумал Растуманов,— пообедаю один. А может, для поднятия духа позволить себе маленькую?.. Тем более Лена отсутствует».

Николай Павлович подошел к серванту — графинчика не было. Понятно: Лена спрятала. «Считает, что при моем давлении это вредно. Та-ак», — вздохнул Растуманов и вспомнил, что у него уже лет пять стоит бутылка арабского коньяка. Красивая, почти черная бутылка с золотой этикеткой. Надо ведь когда-нибудь ее откупорить.

Достал бутылку, открыл, пошел за рюмкой и видит: из бутылки струится не то дым, не то какая-то сплошная облачность. И вдруг эта облачность принимает странную форму и превращается в фигуру. Мужскую. Мало того, в тюрбане и с бородой.

«Ерунда какая! — подумал композитор.— Наверно, на почве переутомления после совещания...»

Но мужчина, появившийся из бутылки, приложил руки к груди и улыбнулся:

— Здравствуй, добрый человек! Пусть всегда будет солнце над твоей лысиной!

Растуманов, сами понимаете, обомлел.

— Это вы мне? — промямлил Растуманов чужим голосом.

— Тебе, добрый человек, да продлятся твои дни и будут счастливы твои близкие!

— Спасибо,— кивнул Растуманов, предусмотрительно отойдя к стене, и спросил: — Простите, кто вы, собственно, есть? И почему, если не секрет?..

— Я — Муслим-Абдул-Магомай-Фазиль-Искандер-ибн-Иеремия-Гамид-бей-младший.

— И все это вы один? — удивился Растуманов.— А, простите, так сказать, ваша профессия?

— Джинн,— скромно склонил голову Муслим-Абдул и прочее, включая Гамид-бей-младший.

— Как джинн? На бутылке написано «коньяк».

— Написано. А я джинн. Волшебник. И ты, добрый человек, спас мне жизнь, выпустив меня из бутылки.

— А как вы в нее попали? — заинтересовался Растуманов.

— Интриги! — печально улыбнулся джинн.— Поспори с одним наглым джинном, слово за слово, я полез в бутылку, он этим воспользовался... Да,— добавил старик в тюрбане, расправляя кости,— шестой год в бутылке, пятый в твоём шкафу. Ты что же, добрый человек, непьющий?

— Да как сказать... У меня давление, и, если б не Лена, вы бы давно были на свободе.

— Лишний раз убеждаюсь, что все несчастья от женщин! — усмехнулся джинн... — А теперь слушай: в благодарность за мое освобождение, перед тем как исчезнуть, я готов выполнить любое твое желание. Хочешь, я тебе выстрою дворец?

— Что? — растерялся Растуманов.

— Дворец. Или дом.

— Где?

— Где твоей душе заблагорассудится.

— Вы что?.. — рассмеялся композитор. — Чтоб выстроить дом, надо иметь участок. А это минимум два года бегать по инстанциям, доставать ходатайства, искать общих знакомых...

— Нет, так долго я ждать не могу, — сказал джинн. — Годы летят, а я и так шесть лет потерял в бутылке. Слушай, а может, у тебя есть друг и я построю дом на его участке? — предложил джинн.

— Ну, постройте. А придут товарищи из ОБХСС и спросят: «Откуда у вас дворец?» Что я скажу?

— Скажешь: построил джинн.

— Думаете, они поверят? — махнул рукой Растуманов.

— Что же делать? — задумался джинн. — Слушай, а что если я тебе верну молодость? Тебе снова будет двадцать лет, будешь молод, красив, энергичен... Начнешь жизнь сначала!

— А что, это мне нравится... — заинтересовался композитор.

— Тогда закрой глаза и скажи:

Не хочу быть стар и сед,
Пусть мне будет двадцать лет!
Хо-хо! Ха-ха!

— Что ж, пожалуйста, — согласился Растуманов, набрал побольше воздуха в легкие, словно собирался петь, и закрыл глаза.

Но тут же их открыл.

— Постойте, — сказал композитор. — В семь часов Лена вернется домой, и вместо меня ее встретит двадцатилетний мальчишка, так?

— И что же? — спросил джинн.

— Разве ей нужен такой муж? Солидная женщина в норковой шубе... Она же меня, двадцатилетнего, выгонит из дому.

— Возможно, — согласился джинн.

— Значит, жены у меня не будет? А квартира? Эта прекрасная кооперативная квартира? Тоже не будет?

Джинн печально развел руками.

— А гараж? Все — прости-прощай? Вы что, смеетесь? Столько потрачено сил и здоровья — и все начинай сначала? А если на этот раз не получится! Нет, голубчик, эта идея с молодостью мне полностью не подходит, — категорически сказал Растуманов. — У человека положе-

ние в обществе, авторитет, звание, квартира, гараж, и от всего отказаться из-за какой-то сомнительной молодости? Нет, на это я не пойду.

— Хорошо, — терпеливо сказал джинн. — Дворец тебе не нужен, молодость не нужна... Чего же ты хочешь, добрый человек?

— Ничего! — гордо сказал композитор. — У меня все есть.

— Как же мне быть? — обеспокоенно спросил джинн. — Мы привыкли, когда нам оказывают услуги, благодарить чудесами. Я хочу тебя отблагодарить, сделать какое-нибудь чудо.

— Не на-до! — твердо ответил Растуманов. — Вы сделаете чудо, а я потом отвечай и расхлебывай. Не надо!

— Тогда прощай. Еще раз благодарю тебя. Будь счастлив! — произнес джинн и начал растворяться в воздухе.

— Минуточку! — закричал Растуманов. — А как же коньяк? Бутылка-то пустая! Вот человек! Болтал про какие-то чудеса, а весь коньяк тю-тю... Эй, джинн, будьте любезны!..

Но джинн уже полностью растворился и ничего не ответил.

...Так окончилась эта фантастическая история. Не знаю, как вы, но жена Растуманова рассказу своего мужа не верит, хотя, вернувшись домой, застала его в позе глубокой задумчивости перед пустой черной бутылкой от арабского коньяка.

ЛАПШИН НЕ ВИНОВАТ!

Пассажиры скорого поезда, прибывшего в Москву, были счастливы: поезд опоздал всего на два часа. Правда, счастливы были не все. Во-первых, такие случаи, когда чем-нибудь довольны все, в жизни не встречаются; во-вторых, некоторым это опоздание нарушило их планы. И не только их, но и моей жены, давно мечтающей купить две простыни и четыре наволочки, которые, к сожалению, считаются товаром повышенного спроса.

Вас, конечно, интересует, что общего между опозданием поезда и мечтами моей жены? А вот слушайте.

Этим поездом, опоздавшим в Москву, прибыл из города Семигорска начальник планового отдела фабрики «Красная строчка» товарищ Лапшин. Дело в том, что три дня назад его фабрика получила из главка письмо, в котором предлагалось срочно представить заявку на хлопчатобумажные ткани, необходимые ей в будущем году. «В случае непредставления заявки до 15-го сего месяца фабрика в план будущего года включена не будет и тканей не получит».

Тут самое время добавить, что это категорическое письмо из главка прибыло в Семигорск 13-го сего месяца.

Сами понимаете, на фабрике «Красная строчка» был объявлен аврал, люди работали сутками, и 15-го Лапшин прибыл в Москву с необходимой заявкой.

Он выбежал на привокзальную площадь, надеясь поймать такси, но там, увы, висел длинный хвост унылой очереди.

Неожиданно Лапшин увидел, что мимо вокзала проезжает милицейский мотоцикл с коляской. Лапшин, рискуя жизнью, бросился наперерез мотоциклу.

— Умоляю, помогите! Спасите! — кричал Лапшин.

Лейтенант затормозил:

— Садитесь и объясните, в чем дело.

Не прошло и пяти минут, как Лапшин оказался в главке, в приемной начальника планового отдела Гузынина, где секретарша Аллочка, повернувшись к окну, подкрашивала ресницы. Лапшин заискивающе поздоровался с ней и попросил разрешения пройти к Гузынину. Аллочка не ответила. Лапшин, думая, что Аллочка не слышит, повторил свою просьбу громче. Наивный человек! Он не знал, что, когда Аллочка «делает лицо», к ней не рискует обращаться и сам Гузынин. Только на третью, настойчивую и покорную просьбу Лапшина Аллочка соизволила повернуть голову и, поглядев на него глазами разного размера (один глаз еще не был готов!), заявила, что рабочий день уже кончился.

— Как кончился? — испугался Лапшин. — До конца рабочего дня еще двадцать две минуты. Иван Павлович требовал сдать заявку до пятнадцатого, — с жаром начал Лапшин.

— Правильно, до пятнадцатого, — согласилась Аллочка, — но пятнадцатое уже кончилось, и вы опоздали.

— Как же так кончилось? — никак не мог понять Лапшин.

— А вот так, кончилось. Иван Павлович час назад все подписал, и все кончилось!

Несчастный Лапшин простонал: «Помогите!» — и опустил на стул.

Вас интересует, что было дальше? А вот что: заявку Семигорской фабрики в план будущего года не включили, и хлопчатобумажных тканей она не получила, в результате чего не произвела энного числа постельного белья, в которое, возможно, и вошли две простыни и четыре наволочки — предмет мечтаний моей жены. Остается добавить немного. В рассказанной ситуации пострадали не только моя жена и многие другие потребители белья. Вы спросите: «А фабрика?» Ей пришлось «выкручиваться». Чтобы выполнить план, она выпустила несколько тысяч немодных, но очень дорогих нейлоновых рубашек, которые пылятся на полках магазинов и спустя некоторое время будут проданы по сниженным ценам. Тем не менее работники фабрики, перевыполнившей план, получили премии и благодарности в приказе. Лапшин тоже...

Мы, привыкшие искать виновников тех или иных безобразий, еще имеющих место в нашей жизни, естественно, задумаемся: кто же виноват, что Семигорская фабрика не попала в план по хлопчатобумажным тканям? Лапшин? Нет. Лапшин не виноват! Он сделал все, что мог. Может быть, виновато Министерство путей сообщения? Пришел бы поезд вовремя — возможно, Лапшин и успел бы со своей заявкой? Нет! Думаю, все-таки не поезд, хотя и Министерству путей сообщения не мешало бы наконец подтянуться! Думаю, виноват начальник прекрасной Алочки и другие ему подобные товарищи, их возмутительный, нередко безобразный стиль работы, их безответственность и безнаказанность.

Поверьте мне, если бы эти товарищи работали как полагается, то, честное слово, моя жена купила бы простыни и наволочки, а я не написал бы этого рассказа.

СУДЬЮ НА МЫЛО!

Говорят, что футбольных судей не любит никто, кроме их жен. Я с этим категорически не согласен. Меня и жена не любит. На днях я в этом убедился.

Я судил матч между... (название команд по соображениям судейской объективности я опускаю) между, скажем, темно-зелеными и бледно-синими (цвета команд тоже изменены). До тридцать четвертой минуты все шло, как обычно: обе команды быстро разбились на десять дуэтов, в которых каждый делал все возможное, чтоб его противник не играл. Все десять пар игроков толклись в центре поля и никуда особенно не торопились. И вдруг бледно-синие, словно их подстегнули, устремились к воротам темно-зеленых. Бледно-синий центр нападения ворвался в штрафную площадку противника, но защитник темно-зеленых в паническом подкате успел выбить мяч из-под его ноги. Позволю себе заметить, что защитник, возможно, впервые в жизни, провел подкат чисто; ноги нападающего не задел и поэтому сиял, как новый серебряный рубль. Но бледно-синий форвард почему-то рухнул, как подстреленная лошадь в ковбойском фильме, секунду повалился на траве в немыслимых мучениях и протянул ко мне трагически заломленные руки. Надо отдать должное ему: сыграл он мольбу о пенальти на уровне Иннокентия Смоктуновского, а может быть, даже Михаила Ульянова в роли Ричарда Третьего.

Я был в пяти метрах от места происшествия и все видел отлично. Пропустив момент удара, бледно-синий футболист зацепился за мяч, который выбил защитник, и все дальнейшее было чистой импровиза-

цией на тему «Я — жертва подножки и заслужил пенальти! Пожалейте меня, товарищ судья!»

Поскольку я человек честный и объективный, пенальти я не дал. Справедливость моего решения кивком головы подтвердил и боковой судья.

Тогда бледно-синий игрок бросился ко мне, воздевая руки к небу и вращая глазами, как Отелло перед удушением прекрасной Дездемоны, но я был непреклонен, потому что подножки не было (и позднее телевидение это подтвердило). И тут я услышал, как значительная часть зрителей стала скандировать глупыми голосами: «Судью на мыло!» — до того им понравилась игра бледно-синего — не форварда, а трагика. А он, почувствовав поддержку зрителей, уже хватал меня за рукава и кричал всевозможные не очень красивые слова, так как текст для подобных представлений никем не пишется и тем более не утверждается.

Что мне оставалось делать? Не Дездемона же я в конце концов, и удушить меня не так просто! И я прибег к своему верному оружию — свистку и желтой карточке, именуемой футболистами «горчичник».

Трагик понял, что переиграл, и мгновенно перестав хромать, тяжелой кавалерийской иноходью потрусил к центру поля. А стадион продолжал вопить: «Судью на мыло!»

И тут, к своему величайшему удивлению, среди сотен головов я услышал голос моей жены. Да-да, жены! Моей любимой Анечки!

Матч был доигран без каких-либо новых происшествий, и я возвратился домой. Жена встретила меня не как обычно — нежно и ласково, — а мрачно и холодно.

— Анечка, неужели ты действительно хотела, чтоб из меня сделали мыло? — шутливо спросил я.

Анечка молчала.

— И почему именно мыло, а не зубную пасту, крем для бритья или стиральный порошок?

— Ты напрасно затеваешь этот разговор, — сухо сказала Анечка. — Мне было стыдно за тебя.

— Стыдно?

— Да. Безусловно, ты должен был назначить пенальти. Я сама видела...

— Анечка, дорогая, — перебил я. — Неужели ты, сидевшая в до-
рых семидесяти метрах от места происшествия, видела лучше, чем я, который был рядом?

— Да. И не только я. Все видели! Все! — упрямо твердила Анечка.

— Все видели, а я нет?

— Очевидно.

— Значит, я, что же, необъективен! Я подсуживал?

— Не знаю,— пожала плечом Анечка и отвернулась.

И тут я понял, что такое футбол. Десять лет мы женаты, десять лет моя жена доверяет мне во всем, у нас нет тайн друг от друга, и, по мнению друзей, мы идеальная пара, счастливая семья, выдержавшая многие жизненные испытания и бури. И вот, оказывается, потрясти основы такой семьи способен футбол. Только футбол!

И как потрясти! Чтобы собственная жена, самый близкий человек в мире, требовала моего превращения в мыло!

— Анечка,— сказал я торжественно,— клянусь всем святым, я честен и объективен: пенальти не было! Веришь?

Анечка сурово и строго посмотрела мне в глаза и сказала:

— Верю!

Хорошо, Анечка поверила. А как быть с остальными болельщиками? Не могу же я давать подобные клятвы каждому из них.

О чем говорить? Любовь жены вернуть мне на этот раз удалось, а вот на любовь прочего человечества рассчитывать, видимо, не приходится: футбольных судей не любит никто, кроме их жен! И то далеко не всех!

ТОЛЬКО ДЛЯ ЖЕНЩИН!

Уважаемые товарищи мужчины! Пожалуйста, не читайте этот рассказ. Он только для женщин. Но вы так же любопытны, как наш брат женщина, и я уверена, что вы его все равно прочтете. Ладно, читайте. У нас секретов нет!

Итак, дорогие женщины, два года назад я вышла замуж, и с мужем мне удивительно повезло: попался очень хороший — добрый, умный и, главное, поддающийся воспитанию. Благодаря этому спустя совсем немного времени он стал просто отличным мужем. Не сомневаюсь, если бы существовал какой-нибудь специальный ОТК по мужьям, моему можно было бы присвоить Знак качества. Скажу без ложной скромности, в основном это результат моего целенаправленного труда.

Давайте называть вещи своими именами. Что такое воспитание? Если речь идет о животных, оно называется дрессировка. Все знают, что хуже всех дрессировке поддаются кошки. Так вот, поверьте мне, дрессировать мужей в сто раз труднее, чем кошек. И вот почему. У кошек что? Инстинкты! И дрессировщики — то ли добром, то ли (дрессировщики это, конечно, отрицают!) не только добром — эти инстинкты преодолевают. А у мужей не только инстинкты. У них, во всяком случае у многих, есть и ум, и болезненное самолюбие, и нежная самовлюбленность, и повышенный эгоизм, и всевозможные привычки, приобретенные в детстве под влиянием родителей, в основном — любящих мамочек.

Избавиться от всего этого набора пережитков доженитьбенного периода куда труднее, чем отучить кошку есть мышей или дурака волка преследовать зайца с воплем: «Ну, заяц, погоди!»

Что является одной из главнейших причин большинства семейных драм и конфликтов? Неучастие мужа в хозяйственной жизни семьи, то есть нежелание ходить в торговые точки и на рынок, готовить пиццу, мыть посуду, заниматься стиркой и натиранием паркета. Все мужчины эти работы делают неохотно и плохо. Почему? Потому что недогадливые женщины превращают эти работы в тяжелейшую и оскорбительную повинность. Дескать, ах ты такой-сякой, мог бы помочь жене и натереть пол! А ты смотришь свой хоккей и лежишь на диване!

Дорогие женщины, нельзя так! Не надо кидаться на мужчин с подобными претензиями. Ни в коем случае! Надо, чтоб эти работы стали для мужа... праздником!

Да-да! Как этого добиться? Очень просто. Поясню примером, а потом сделаем выводы.

Однажды я попросила мужа купить сыр. Купил. Принес ужасный, со всех сторон заветренный кусок. Однако я его нежно расцеловала (разумеется, не сыр, а мужа!) и сказала, что он молодец, что такого сыра я бы в жизни не купила! (Согласитесь, я сказала правду!)

Муж расцвел и засиял.

Тогда я погрозила ему пальцем:

— Скажи честно, это — индивидуальное отношение к тебе? Ты ей понравился?

— Кому?

— Продавщице сыра.

Муж почему-то покраснел:

— Да что ты! Ничего подобного!

Глупый! Конечно же, ему было очень приятно, что он кому-то понравился, кроме меня. И все: с того дня он охотно ходил в соседний гастроном, то есть эта малопрятная обязанность стала для него радостным событием. А частые посещения гастронома научили его разбираться в качестве продуктов. И действительно, вскоре он приносил такой сыр, какого мне — женщине — никогда бы и не дали.

Вывод? Пожалуйста: самое сильное оружие воспитания мужей — завышенная оценка их не очень полезного труда!

А как он мыл тарелки? Кошмар! Грязные тарелки он обливал холодной водой и тут же вытирал полотенцем. Тем не менее я мужественно восхищалась его работой и просила поделиться со мной опытом. Разумеется, потом я перемывала не только тарелки, но и стирала полотенце, но он был уверен, что моет посуду лучше меня, в результате чего и эта отвратительная работа стала для него радостной и приятной.

Мне кажется, вы уже поняли, в чем состоит основной метод воспитания мужей.

Далее: как и все мужчины, мой муж курил и любил — не скажу систематически, но часто, — вы догадываетесь что... А как отучить? В данном случае самая изощренная лесть не поможет. Нужен другой метод. Страх! Да-да, мужчины ужасно мнительны и с трогательной нежностью относятся к своему здоровью. Еще бы! Статьи «Берегите мужчин» сделали свое черное дело! Что же я придумала?

Мой друг детства — кандидат медицинских наук. Я изложила ему свой план борьбы с вредными привычками мужа, и он его одобрил.

Придя к нам в гости, он, якобы случайно, поглядел внимательно на мужа и сказал:

— Э, братец, твой вид мне что-то не нравится. Зашел бы ко мне в поликлинику.

Муж зашел. По предписанию моего друга детства он сделал чуть ли не дюжину анализов, после чего кандидат медицинских наук произнес категорическим тоном:

— Ну вот, братец, я не ошибся: с курением и прочим надо кончать.

Муж пытался возражать, но кандидат сказал:

— Увы, братец! Рентген такое показывает, что другого выхода нет. Сам знаешь, инфаркты ходят за нами по пятам. Некоторые от них бегают, но и инфаркты демонстрируют неплохую скорость.

И муж бросил курить и прочее. Нет, конечно, не сразу. Какое-то время он хорохорился, но кандидат его припугнул еще раз, и он сдался.

Вот так, медленно и методично, я создавала отличного мужа. Единственное, о чем я сожалею, что результатами моего труда воспользуется другая женщина, так как мой муж теперь не мой муж, а муж продавщицы сыра из соседнего гастронома.

ТЕПЛЫЕ ПРОВОДЫ

Они вышли из вокзального ресторана и не спеша направились на перрон. Один был с чемоданом и переброшенным через руку плащом, другой с портфелем.

Несший чемодан был коренастый, хорошо упитанный человек в добротном новом костюме и новой велюровой шляпе. Инженер. Фамилия — Перчаткин.

А второй был высокий, поджарый. И костюмчик на нем был похуже, и кепка совсем старенькая, и портфель видывал виды. Тоже инженер, по фамилии Шугаев.

На платформе, у вагона, на котором было написано «Москва — Сухуми», они остановились. Перчаткин опустил на землю чемодан,

покачнулся и нетвердой рукой полез в карман за билетом. А Шугаев сказал:

— Петя! Друг мой Петя! Вот стою, понимаешь, и не верю, что ты уезжаешь!

Перчаткин, продолжая искать билет, ответил:

— Уезжаю, Вася. Извини, но уезжаю.

— Какие могут быть извинения, если ты едешь на отдых? Езжай, Петя. Загорай, поправляйся, дыши свежим воздухом, ешь фрукты и будь здоров! Желаю от души!

— Спасибо, Вася. Спасибо,— с чувством сказал упитанный Перчаткин и нежно обнял своего друга.

— Единственное, что обидно: расстаемся. На целый месяц,— почти всхлипнул Шугаев.

— Меньше. На двадцать шесть дней.

— Все равно,— махнул рукой Шугаев.— Вот что, возьми!

На память! На добрую память.— Он протянул Перчаткину шариковую ручку.— Пиши. Каждый день. Пожалуйста. Чтоб я был в курсе.

— Спасибо, Вася,— сказал растроганный Перчаткин и протянул ему расческу.— Причесывайся и помни, что я тебя помню.

— Спасибо! — приложил руку к тощей груди Шугаев и сорвал с себя кепку.— На!

— Дважды спасибо! — не остался в долгу Перчаткин и вручил Шугаеву свою шляпу.— Носи, дорогой! Новая. Из ГДР...

Шугаев секунду подумал и сорвал с себя галстук: — На!

— И ты возьми,— в порыве взаимности ответил Перчаткин и тоже сорвал галстук.— И плащ возьми! Носи и помни.

— Спасибо! Ты — настоящий друг,— с дрожью в голосе проговорил Шугаев и снял с себя пиджак.— Бери!

— И ты бери,— всхлипнул Перчаткин, снимая свой пиджак.— Чистая шерсть. Из Югославии.

— Спасибо! На! — протягивая Перчаткину свой портфель, сказал его тощий друг. А когда тот взял портфель, начал расстегивать рубашечные пуговицы.

— Не надо, Вася,— остановил его Перчаткин.— Не надо! Я и так верю, что ты мой лучший друг. И так же, как и ты, готов на любые жертвы! Слушай, я толстый, а ты худенький, заморенный... Вот тебе моя путевка, вот тебе мой чемодан, железнодорожный билет и колбаса на дорогу. Все возьми! Езжай вместо меня, поправляйся и ешь фрукты! Мне поправляться не надо. Категорически.

— Спасибо,— сказал растроганный Шугаев.— Для друга я готов на все! Поеду хоть на край света!

После этого Перчаткин, не оглядываясь, чтоб не расстраиваться, и помахивая шугаевским портфелем, направился к выходу с перрона,

а Шугаев, собрав всю свою волю в кулак и сжимая ручку перчаткинського чемодана, подошел к пятому вагону.

Курносая проводница в лихо сбитом набок беретике оглядела очередного пассажира и вздохнула: сегодня это был уж не первый «тепленький» пассажир — и потому, проверив билет, спросила:

— Сами дойдете?

— Куда? — спросил Шугаев.

— До своего места?

— К-конечно! — И Шугаев, больно ударившись о подножку, втиснулся в вагон.

В это же время Перчаткин, в чужом тесном и излишне длинном пиджаке, в чужой маленькой кепке и с чужим портфелем, твердо сжав губы и нетвердо ступая, направился к выходу в город.

По пути он кого-то толкнул, кто-то что-то сказал, он что-то ответил и попал в поле зрения младшего лейтенанта милиции Кирюшкина. Кирюшкин остановил гражданина и после непродолжительной беседы счел необходимым доставить в дежурную комнату милиции при вокзале.

Разумеется, Перчаткину не очень хотелось следовать в эту комнату, но, увы, отдельным гражданам при встрече с работниками милиции приходится подчиняться их воле, а не своей.

В комнате милиции выяснилось, что не только пиджак и кепка, но и документы и даже портфель принадлежат какому-то гражданину Шугаеву, в то время как задержанный упорно утверждает, что его фамилия Перчаткин. Он, конечно, пытался объяснить, почему все эти вещи и документы оказались на нем и у него, но, так как был в состоянии сильного опьянения, что-нибудь понять было трудно. Поэтому его усадили на деревянную скамью, на которой он вскоре и заснул, свалившись набок и уронив кепку.

Проснулся Перчаткин часа через три, долго таращил маленькие медвежьи глазки и соображал, где он, потом, ощущая отчаянную головную боль и такой вкус во рту, словно он съел медную дверную ручку, пришел в себя и вспомнил все, что произошло. Тогда он начал раскачиваться вперед-назад, вперед-назад, укоризненно бормоча:

— Ох, болван! Ох, дурак! Ох, бревно!

Эти странные действия ничуть не удивили дежурившего Кирюшкина, он выдвигал и не такое, поэтому он миролюбиво спросил Перчаткина:

— Это кого же вы так честите?

— Себя! — с болью сказал Перчаткин. — Я сижу у вас, а этот бандит катит в Гагру с моей путевкой.

— Бандит? — сразу заинтересовался Кирюшкин и подошел к Перчаткину. — Он что же, ограбил вас?

— Да нет, — покачал головой Перчаткин. — Я сам ему отдал и путевку и вещи. И шляпу новую. Из ГДР.

— Значит, угрожал? Ножом? Пистолетом?
— Да нет. Сам отдал. Добровольно. Еще просил: возьми, пожалуйста!

— Под гипнозом что ли?

— Каким гипнозом? Выпили мы в ресторане. Перед отъездом полагается...

— Чьим отъездом?

— Моим. Выпили, поговорили...

— И уехал он? — догадался Кирюшкин.

— То-то и оно! И выпили не так уж много. Два графинчика и бутылку красненького...

— Ну-ну, — усмехнулся Кирюшкин.

— Вот именно. И я сам его уговорил, чтоб он поехал вместо меня. Ох, идиот! Ох, болван! Ох, бревно!

— Вы кем работаете? — прервал стенания Перчаткина Кирюшкин.

— Инженер. Заместитель главного, — махнул рукой Перчаткин.

— Ну вот, казалось бы, человек с образованием — и такой фортель... Это же ни в какие ворота не лезет!

— Виноват... Полностью виноват, — признал Перчаткин. — А все — несовершенная человеческая конструкция.

— В каком смысле?

— Нету в человеке ограничителя! — авторитетно сказал Перчаткин. — Выпил, так? А я еще хочу. Еще выпил. Еще хочу. А будь в человеке ограничитель и вовремя просигнализирую: — стоп! Хватит! — человеку цены бы не было.

— Значит, все из-за ограничителя? — скрывая иронию, спросил Кирюшкин. — А, извините, голова на что?

— Так я же вам объясняю: голова выпившая была, — пробормотал Перчаткин, подпер тяжелую, как кувалда, голову грязной ладонью и снова забормотал: — Ох, дурак! Ох, осел! Ох, бревно!

А поезд «Москва — Сухуми», резво постукивая колесами, катил на юг. И в пятом вагоне этого поезда, на нижней полке мягкого вагона, разметав длинные тощие ноги поверх одеяла, похрапывал Шугаев. Только утром следующего дня он пожевал губами, открыл глаза и увидел лысого человека в пижаме, который пил кирпично-красный чай из стакана в мельхиоровом подстаканнике. Надо сказать, что голова этого человека в первый момент производила несколько странное впечатление. Казалось, что шевелюра покинула череп, оставив после себя сверкающее розовое плато, а сама устремилась к ушам, создав по соседству с ними пышные бакенбарды.

Увидев человека в пижаме и с бакенбардами, Шугаев крайне удивился и, решив, что это мало интересный сон, снова захлопнул веки и повернулся на другой бок. И тут ему в ухо застучали колеса, и он окончательно проснулся. А лысый человек, у которого, оказывается,

кроме бакенбардов, были еще такие же роскошные брови и усы, заулыбался и ласково сказал:

— Доброе утро, дорогой. Ты вовремя проснулся: дают чай...

— Это что? — хрипло спросил Шугаев и сел.

— Что именно? — не понял лысый.

— Это поезд?

— Поезд, — несколько удивленно подтвердил лысый.

— А к-куда он и-идет? — даже заикнулся Шугаев.

— В Сухуми.

— В Сухуми? Почему?

— Как почему? Такое расписание. Он всю жизнь ходит в Сухуми.

И тут Шугаев все вспомнил, вскочил встрепанный и полуодетый и закричал страшным голосом:

— Проводник! Где проводник?

Лысый вздрогнул от неожиданности и поставил подстаканник на стол:

— Зачем ты кричишь, дорогой? В чем дело?

— Проводник! — поспешно одеваясь, орал Шугаев.

Дверь купе распахнулась, и на пороге возникла курносая девушка в лихом беретике. Шугаев бросился к ней:

— На каком основании вы меня увезли из Москвы? Я вас спрашиваю: на каком?..

Лысый и курносая недоумевающе переглянулись.

— Вы что, гражданин, еще не проспались? — спросила курносая, щуря синие, сильно подкрашенные глаза.

— Почему вы меня впустили в вагон?

— То есть как... У вас на руках имелся билет.

— Остановите поезд! Сейчас же остановите поезд! — метался по купе и бушевал Шугаев.

— А вы прекратите, гражданин! Вчера вечером пьяный, сегодня с утра опять пьяный... Да что ж это такое? Я милиционера позову! — еще громче, чем Шугаев, кричала проводница. — Пожалела на свою голову пьяницу!

— Вот, вот, а вы не должны были меня впускать в вагон пьяного!

В разговор вмешался лысый с бакенбардами:

— Как тебе не стыдно, дорогой? Она тебя пожалела,пустила...

Мы вместе с нею раздели тебя, уложили, а ты — скандалишь! Нехорошо, дорогой! Не этично!

— А я говорю, меня нельзя было впускать в вагон! Категорически нельзя! — орал Шугаев.

— Я же объясняю: тебя, дорогой, пожалели!

— А зачем? Зачем вы меня пожалели? И в газетах пишут и по телевизору говорят: никакой жалости к пьяным, а вы... — Шугаев подошел к проводнице вплотную и сказал: — Я этого так не оставлю. Я напишу вашему министру!

— Пиши, пиши! Посмотрим, кто тебя, алкоголика, послушает,— с обидой сказала проводница.

А Шугаев, кончая одеваться, спросил:

— Какая ближайшая станция? Я сойду! Я немедленно сойду! Безобразия!

После этого он сел и тупо начал смотреть в окно.

Проводница и лысый еще раз переглянулись, при этом лысый повертел указательным пальцем у виска.

А поезд, деловито стуча колесами, удалялся от Москвы...

УЛЫБКА ФОРТУНЫ

Ну, к делу.

Жил-был известный киноактер Антон Гусев. Жил спокойно и нормально. Снимался и бывал в простое. Читал периодическую литературу и смотрел телевизионные передачи. И вдруг ему позвонили из киностудии, попросили завтра к двум часам быть в комнате такой-то.

Приехал.

В комнате сидели двое. Один, которого он сразу узнал, — известный итальянский кинорежиссер, неоднократно приезжавший в Москву, другой — неизвестный молодой человек в очках, как позже выяснилось, — переводчик.

Едва Гусев вошел в комнату номер такой-то, известный режиссер вскочил, сказал с акцентом «Здравствуй!», пожал Гусеву руку и произнес темпераментный монолог по-итальянски. Переводчик перевел. Перевод (приблизительно) такой:

— Синьор Гусев — прекрасный артист! Умный! Талантливый! Красив, как бог! Его работа давно нравится режиссеру, а сейчас режиссер снимает фильм о минувшей войне. В фильме есть одна роль, и лучшего исполнителя этой роли, чем синьор Гусев, природа не создала. Режиссер умоляет синьора Гусева сняться в этой роли. Если Гусев согласится, режиссер будет самым счастливым человеком во всей Италии.

Синьор Гусев покраснел и после паузы сказал:

— Конечно, а...

Но переводчик перебил Гусева и добавил, что этот вопрос с киностудией согласован и артист может совершенно спокойно подписать контракт, потом прочесть сценарий и ждать вызова в Рим. Режиссер надеется, что эта работа заберет у синьора Гусева не так уж много времени, и, если он согласен, вот контракт и вот вечное перо.

С этого дня Гусев жил в том состоянии, которое боксеры называют «грогги».

Находиться в состоянии «грогги» Гусев имел все основания. Он прочитал сценарий, огорчился, что роль невелика, но подсчитал: он появляется в трех декорациях. В одной декорации кадров пятнадцать — значит, два съемочных дня; в остальных декорациях еще два дня — значит, уже четыре. До съемок обычно бывает освоение декорации — еще три дня. После съемки следует подождать результатов обработки пленки в лаборатории — еще два дня. Просмотр материала! Обсуждение! Разборка снятых декораций и постройка новых! Выходные дни!.. Словом, как ни считай, работы актеру минимум дней на десять — двенадцать! А десять — двенадцать дней в Риме — это и есть улыбка фортуны!

«Повезло! Здорово мне повезло!» — думал счастливый Гусев. — Свободное время будет? Будет! Посмотрю музеи, картинные галереи, памятники старины...»

Наконец пришел вызов, и ранним утром Гусев вылетел в Рим. В его лучшем чемодане лежали два лучших костюма, лучшие рубашки и лучшие галстуки, а в боковом кармане фотография и основные габариты жены — столь необходимые для покупки ей сувениров.

Ровно в одиннадцать утра Гусев уже не спеша выходил из самолета. У трапа его встретили двое давно нестриженных молодых людей. Один из них схватил чемодан Гусева, а другой, расталкивая толпу встречающих, поспешил к выходу с аэродрома. Через пять минут все трое уже мчались в маленьком «фиате» по загородному шоссе на киностудию. Рассмотреть дорогу, поглядеть на прекрасный Рим Гусеву не удалось, так как один из молодых людей оказался гримером, и прибыл Гусев на студию уже в гриме. Здесь его доставили в костюмерную, где в мгновение ока для него подобрали соответствующий костюм. Тут же подкатали небольшой столик, на котором стояла еда, именуемая в авиации «легкий завтрак» и включающая даже небольшую бутылочку кьянти. Гусев поспешно поел и выпил, и его бегом доставили в съемочный павильон. Режиссер очаровательно улыбулся, переводчик перевел его улыбку, сообщив, что к съемке все готово, и нестриженные молодые люди ввели Гусева в кадр.

Через десять минут первый кадр был снят, и режиссер перешел к другому аппарату, чтобы снять следующий кадр с новой точки.

— А дубль? — робко спросил Гусев.

— Синьор Гусев хочет сыграть по-другому? Ему не нравится режиссерский вариант?

— Нет, что вы... Я думал — для «страховки».

— «Страховка». А что это «страховка»?

— Ну, мало ли что? Вдруг пленка плохая.

— Почему пленка плохая? Пленка не может быть плохая. Фирма гарантирует...

— А вдруг подведет лаборатория?

— А почему лаборатория должна подвести? Там специалисты.

— А... — начал Гусев.

— Синьор Гусев, все разговоры потом, — твердо сказал режиссер. — Прощу в кадр. Репетируем..

Короче: к одиннадцати вечера все сцены были сыграны и все декорации отсняты. Усталый Гусев впервые за весь день опустился на стул. К нему подошел режиссер, расцеловал его, поблагодарил за отличную, профессиональную работу и сказал, что, как ему кажется, синьор Гусев потратил на его фильм не так уж много времени.

В четверть двенадцатого двое нестриженных доставили артиста в отель при аэродроме, сообщили, что самолет в Москву вылетает в восемь утра, вручили конверт с гонораром и, пожелав спокойной ночи и счастливого рейса, исчезли...

На следующий день в одиннадцать утра Гусев был дома.

Увидев мужа, который вернулся с такой космической быстротой, жена всплеснула руками.

— Что случилось, Антоша? Отменили съемку?

— Нет.

— Закрыли картину?

— Да нет...

— Переделывают сценарий? Твою роль превратили в женскую?

— Да нет же, Маша. Сняли!

— Режиссера?

— Да нет же, просто сняли! Все сняли!

— Все?! За один день?

— За один день! — убитым голосом сказал Гусев и вместе с конвертом, в котором лежал гонорар, вынул листок с основными габаритами жены.

СОДЕРЖАНИЕ

Фея на пенсии	3
Личные контакты	13
Чертова старуха	16
Назад к обезьяне?	18
Математика жизни	22
Громкая свадьба	24
Новая клюшка	25
Счет из медицинского учреждения	27
Черная бутылка	30
Лапшин не виноват!	33
Судью на мыло!	35
Только для женщин!	37
Теплые провода	39
Улыбка фортуны	44

Яков Маркович Зискинд
ФЕЯ НА ПЕНСИИ

Редактор Е. Ф. О л е й н и к.

Технический редактор Е. Н. Щ у к и н а.

Сдано в набор 20.08.81. Подписано к печати
04.11.81. А 00456. Формат $70 \times 108^{1/32}$.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Учетно-изд. л. 2,97. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 2332. Зак. № 1163. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

Цена 20 коп.

Индекс 70668

СПОРТЛОТО

Спортивная денежно-вещевая лотерея «Спринт» популярна в стране. Доходы от лотереи направляются на развитие физической культуры и спорта, строительство спортивных сооружений.

Несколько секунд требуется, чтобы узнать, выиграли вы или нет. Выигрыш обозначен на билете.

Ежегодно в «Спринте» разыгрывается около 3 тысяч автомобилей, в том числе «Волги ГАЗ-24», «Жигули», «Москвичи», «Запорожцы», 660 мотоциклов и денежные выигрыши — от 1 до 10000 рублей.

В лотерее «Спринт» выигрывает каждый пятый билет. Стоимость билета 50 копеек, в специальных выпусках 1 рубль.

Главное управление спортивных лотерей